

Точа́ток сто́ліття

Творчі
шукання
співробітників,
викладачів
і студентів
Харківського
національного
медичного
університету

Альманах

Харків
2017

УДК 379.825:7:8]-051:378.4(477)
ББК 74.58+84+85(4УКР)
П 65

Редакційна група: С.О. Краснікова (гол.редактор), Л.В. Фоміна (заст.гол. ред.),
І.В. Летік (відп.секр.), Н.Ф. Дмитрієнко, І.В. Запорожець

Концепт-дизайн: В. Ск!п

Затверджено Вченою радою ХНМУ
(Протокол № 5 від 17.05.2018)

Альманах започатковано у 2011р. ректором ХНМУ, доктором медичних наук, професором, членом-кореспондентом НАМН України Володимиром Миколайовичем Лісовим

П 65 **Начало** века. Початок століття. Творчі шукання співробітників, викладачів і студентів Харківського національного медичного університету : альманах / редкол. С.О.Краснікова, Л.В.Фоміна, І.В.Летік та ін . – Харків : ХНМУ, 2017. – 96 с.: іл.

В альманасі зібрано твори різної тематики та жанрів, які присвячені темам кохання, віри в Бога, улюбленій професії тощо. Автори діляться з читачами переживаннями, спогадами про близьких та рідних.

Рекомендовано широкому колу читачів.
Мова: українська, російська, англійська

УДК 379.825:7:8]-051:378.4(477)
ББК 74.58+84+85(4УКР)

© Харківський національний медичний університет, 2017
© «Майстерня Ск!п!в», дизайн, 2017

Початок
століття

Шановні читачі!

Ви тримаєте в руках новий випуск Альманаху, його шосте видання. Це означає, що вже шостий рік поспіль співробітники нашого університету діляться з нами своїми творчими доробками.

Автори цього випуску Альманаху — викладачі, студенти, професійні літератори... Дехто з них належить до наших постійних дописувачів, але є й новачки, які, сподіваюсь, здобудуть собі почесний статус постійного автора.

З появою нових імен у виданні з'являються досі не знані акценти.

Особливістю цього видання стала нова рубрика « Спогади. Пам'ять », у якій наші сьогоднішні та майбутні автори можуть розповісти про своїх колег, про близьких людей, що пішли з життя та залишили по собі добру пам'ять.

Для студентів, що навчаються англійською мовою, ми відкриваємо проект, маючий на меті показати англійськомовну творчість наших вихованців.

Сподіваємось, що ці нові рубрики знайдуть нових авторів і матимуть довге життя.

Отже, запрошуємо в мистецький світ художніх образів!

З повагою
В.М. Лісовий

Ποεζία,
πραξα

Алла Алексеєнко

Завідувач кафедри філософії, доктор
філософських наук, професор

Пам'ять кожної людини наповнюється певним досвідом і мудрістю, які вона накопичує протягом свого життя. У цьому досвіді віддзеркалюються її почуття до людей і оточуючого світу, любов до рідної Батьківщини, любов і повага до рідних і друзів, до студентів і своїх колег. У цьому досвіді переважають ті цінності, яким Алла Петрівна Алексеєнко надає перевагу, ті почуття, які так бентежать її душу. Вони надихають її на створення поетичних роздумів про головне в житті людини.

Присутність саме цих мотивів ви можете відчутти в рядках Гімну ХНМУ, автором якого є Алла Петрівна Алексеєнко.

Гімн Харківського національного медичного університету

Сюди ідуть за покликом душі,
У храм науки, гідності і честі.
У храм, який готує лікарів,
У храм, де поєдналась мудрість з серцем.

Приспів:
Альма матер – моя ти родина,
Альма матер – століть сивина,
Альма матер – моя ти єдина,
Альма матер – любов ти моя.

Ти прикрашаєш Харків дорогий,
Ділами його велич прославляєш,
Майбутніх лікарів готуєш ти,
В далекий шлях життя благословляєш.
Приспів

Навчила ти життя оберігати,
Служити людям до останніх сил.
І гідно нести клятву Гіппократа,
Що надає натхнення нам завжди.
Приспів.

Молюся за рідну Україну,
Молюся за близьких людей,
Прохаю у Господа сили
Для себе і моїх дітей.

За тих, хто пішов з цього світу
І нині живе у раю,
Якщо не накоїв тут лиха
І душу не продав свою.

Молюсь за велике кохання,
Молюсь за любов до землі,
Молюся за наші страждання,
За вірність і сльози мої.

За те, що в житті я грішила,
Прости мене, Господи мій,
За те, що образи носила,
Хоч треба забути їх всі.

Молюся за світле майбутнє,
Щоб всіх нас Господь зцілив,
І рідну мою Україну
До перемоги привів.

Якщо хочеш по совісті жити,
То плекай свою душу завжди.
Не втрачай свою лінію гідності
І не прагни в житті все схопити.

Відділи необхідне від зайвого,
Подаруй світ любові й добра –
Хай в житті буде сонячне сяйво,
А в душі хай вирує весна.

Вдячним будь своїм рідним і близьким,
Пам'ятай про кохання своє,
Як писав ти дівчині записки,
Бо слова не знаходив ти вже.

Пам'ятай рідну неньку – Україну,
Все, що їй довелось пережити,
Не втрачай надію на краще
І до кращого прагни завжди.

Поринула в безмежне поле
Свого минулого життя,
Де всі стежки моєї долі
Переплелися мов лоза.

На цих стежках моя любов,
Мої надії, сподівання,
І все, здається, знов і знов
Бентежать душу вирування

Про молодість і про кохання,
Що відійшли в далекий світ,
І вже забулись всі страждання,
Що так бентежили вночі.

Пора осіння затягнулась,
А вже так хочеться зими,
Щоб білим покривалом вкрились
Земля і пагорби й ліси.

Щоб сніг неначе діаманти
Свою красу переливав,
А сонце сяяло вже з ранку,
Щоб землю й душу зігрівав.

Під білим килимом тихенько
Земля заснула до весни:
І дихає злегка-легенько,
І бачить дивовижі сни.

Чи може все душа тримати
В собі: і сльози, і любов,
І пам'ять про стареньку хату,
І мальви, що бентежать кров.

І білі яблука застигли
На гілках вже старих дерев,
І пиріжки в бабусі з печі,
І запах меду із небес.

Все в серці пам'яттю застигне,
Без цього неможливо жити.
Душа без цього заскорузне,
А може просто навіть вмерти.

Квіти розквітли в моєму саду,
Барвами зачарували,
Душу завжди зігрівають мою,
Пісні красиві співають.

Спів той доносить до серця мого
Тугу за світлим минулим.
Сум за батьками, що вже у раю,
Дивляться звідти на мене.

Вдячна за те, що росли мене,
Вчили добро дарувати,
И пробачати людей за лихе,
В серці образ не тримати.

Бути готовою допомогти
Бідній страждальній людині –
Когось по вулиці перевести,
Комусь подати на хлібину.

Бути відвертою в справі своїй,
Чесно з людьми розмовляти.
Богу спасибі, що з ними він звів,
Досвід навчив переймати.

Все від батьків – і добро, і любов,
Шедрість людська і сердешна...
Пам'ять вирує, бентежить нас знов
В світі складним і теперішнім.

Абделла Бен Эль Махи

Студент 5 курса V медицинского факультета по подготовке иностранных студентов

Родился в Саудовской Аравии. В детстве изучал арабскую, персидскую, индийскую литературу. В средней школе увлекся французской и английской литературой. Читал на французском языке Достоевского, Булгакова, Чехова.

Русский язык начал изучать в 2011 году, когда приехал в Украину и стал студентом подготовительного факультета, а потом — студентом ХНМУ. Свободно владею арабским, французским, английским. Читаю на испанском и итальянском.

Литература открыла вторую половину моей личности. Первая принадлежит медицине, а вторая — творчеству. Язык — это часть культуры. Русская и украинская культуры вошли в меня с Чичибабиным, Есениным, Булгаковым... Они живут во мне и вдохновляют.

Герой моего рассказа — лицо вымышленное, но многие могут узнать в нем себя — сомневающегося, не решающегося сказать о главном. Говорите близким людям о своих чувствах, чтобы однажды не опоздать...

Балкон напротив

Очередное солнечное утро. Кофе возвращает рассудок. Хесус завтракает в своей скромной квартирке, равнодушно разглядывая унылую обстановку. Полтора месяца назад он переехал жить в этот бедный многолюдный район, потому что здесь неподалеку находится больница Duc de Tovar — его настоящий дом. Каждый день Хесус приходит туда первым, а уходит последним. Больница была названа в честь Игнасио Де Фигероа и Бермеджилло — маркиза из известной семьи герцогов Мадрида и Бильбао. Когда-то он лечился в Танжере и прожил там до конца своих дней.

Но рассказ не об этом. Ранним утром молодой военный врач, по привычке заварив себе кофе, вышел на балкон со своей жестяной кружкой и скрутил первую утреннюю папиросу. От едкого дыма глаза заслезились. Он потёр глаза и заметил девушку, которая вышла на балкон дома напротив. Концы платка на ее шее опускались к цветам, которые она заботливо поливала. Она подняла глаза и, заметив пристальный взгляд Хесуса, смущенно улыбнулась ему и быстро убежала в свою комнатку.

Весь день он ходил по больнице сам не свой. То, что случилось с ним утром, не оставляло его в покое, он думал только о ней. Больше всего на свете ему бы хотелось научиться управлять стрелками часов, возвращая их к тому моменту, когда он впервые увидел ее. День за днем Хесус все больше думал о ней, отвлекаясь от напряженной работы. Еще один месяц одиночества и нескончаемой работы в больнице. И с каждым рассветом все повторялось: чашка кофе, папиросы и Она. То унылое состояние, в котором он находился с самого приезда в Танжер, ушло. Теперь его преследует навязчивая мысль снова вернуться туда, где впервые к нему пришли чувства, которые он никогда раньше не испытывал. Когда он видел ее, все затихало: и птицы, и бушующие волны океана, и звуки Азана из разбросанных мечетей по всему Танжеру — все без исключения замолкало на то время, когда она поливала цветы, улыбалась ему и уходила.

Хесуса прислали в Танжер в качестве хирурга, так как испанская диаспора долгие годы жаловалась на отсутствие хирурга-специалиста у консула Испании на территории Рифа и севера протектората. Хесус был постоянно занят, он ни на минуту не мог оторваться от своей работы, у него не было времени на отдых. Люди

смотрели на него, как на спасителя. Да еще и сестры Собора Пресвятой Девы Марии Лурдской просили его раз в неделю приезжать и лечить бедных и сирот Архиепархии Танжера. Он знал, что его считали врагом в этой стране, даже несмотря на то, что он делал для местных; для них он все равно испанец, да еще и военный.

Со временем он почувствовал, что его жизнь могла бы быть намного светлее и радостнее, если бы он смог хотя бы заговорить с той милой девушкой. Хесус был очень смелым человеком, пережившим самые кровавые сражения на войне. Он перестал чувствовать страх; но, как только он пытался представить ее рядом с собой, страх поражал его до глубины души. Быть решительным и смелым для него — было теперь большим подвигом. Сколько раз, наблюдая за ней из своего окна, он старался подобрать слова, чтобы заговорить с ней, но эти попытки умирали одна за другой...

Он продолжал наслаждаться этими минутами. Каждое утро ее улыбка и взгляд вдохновляли его. И Он, полный сил, шел к больным и работал, не чувствуя усталости. Этот утренний ритуал становился привычным, но со временем Хесус начал замечать изменения в облике девушки. Ее сияние угасало, уходило по крупинкам, но она по-прежнему улыбалась ему. Хесус становился бессильным: за этим балконом разворачивалась такая сцена борьбы с отчаянием, от которого человек не в силах убежать. Он хотел, чтобы она больше не выходила, чтобы забыла о нем, он чувствовал себя трусливым пареньком в белом халате. Больница Де Товар была для Хесуса единственной заботой в жизни. Там он не думал о Ней.

И все же по утрам, через шторы, напрочь закрытые окна доктора, он видел Ее: бледную, исхудавшую до такой степени, что ее трудно было узнать. Разве это могло случиться так быстро, от отчаяния, от грусти? Ее худые руки уже не могли открывать дверь с той легкостью, как раньше, выходила она очень медленно, осторожно, будто старалась сберечь последние силы, которые у нее оставались. Смотрела она, как и прежде, в его сторону, только его там не было. Он быстро собирался и шел к больным.

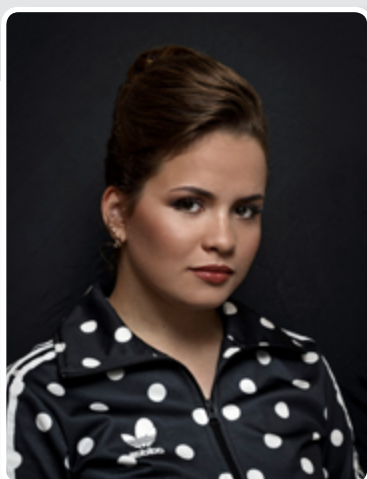
Этот вечер был самым сложным для него, он пытался понять, что с ней происходит, но при этом даже не знал ее имени. Больше всего на свете Хесусу хотелось, чтобы Она страдала, и как бы он ни боялся всех последствий их встречи, он понимал, что это необходимо им обоим. Доктору было невыносимо тяжело: он знал, что не заслуживал ее любви, даже ее улыбки и взгляда, который оживил его и будил в нем самые прекрасные и яркие чувства, какие он не испытывал за всю свою жизнь. Придуманый им сценарий, как он заговорит с ней завтра утром, был самым серьезным поступком в его жизни. Он опять боялся передумать, и после того, как проговорил свои слова любви к ней, не стал ложиться спать, только курил и курил до самого утра.

Он вышел на балкон очень рано, только-только светало. Ему скорее хотелось увидеть ее, услышать, наконец, ее голос. Он думал только о том, что будет, когда она выйдет к нему. Наступило утро. Хесус пристально смотрел и ждал, когда откроется дверь ее балкона. Но она не выходила. Он, было, подумал, что она испугалась его появления после долгого отсутствия, — и наконец заметил, как балконная дверь ее дома бьется от порывов холодного утреннего ветра. Ему показалось очень странным, что девушка не закрыла ее с вечера. И тогда он понял: что-то не так, она не может не выйти. Он все ждал и ждал, чувствуя, что она не выйдет больше. Может быть, она переехала и перестала ждать его или уехала на время, чтобы забыть о нем.

Хесуса охватила дрожь, но он продолжал надеяться, что вот-вот она выйдет. Он бесконечно задавал себе один и тот же вопрос, почему не заговорил с ней в тот день, когда впервые увидел ее. И, не найдя подтверждения своим предположениям, он вышел на улицу и направился прямо к ее дому. Он расспрашивал всех прохожих об этой девушке, но никто даже не повернулся в его сторону.

Дом был темным изнутри. И из этого мрака вышла старая женщина. Он заговорил с ней и спросил о юной, прекрасной девушке, которая живет в этом доме (ведь только это он и знал). Старушка хрипло шепнула ему на ухо: «Она умерла».

София Бойко

Студентка I курса IV медицинского факультета

Любовь. Прекрасное чувство, которое, наверное, испытал каждый. Мое сердце всегда наполнено ею. Любовь ко всему живому привела меня в этот университет. Любовь к слову указала мне путь в «Альманах». Я буду вечно благодарна судьбе за подаренный мне шанс публиковаться на страницах, написанных множеством талантливых людей. Частичка истории, как целая эпоха, дающая начало новым граням поэзии, сатиры, приключений, мемуаров, написанных непрофессиональными поэтами и писателями, любящими равно как творчество, так и медицину. Я с радостью вступаю в ряды авторов «Альманаха».

Муза

Я стою в испуге у мрамора ночи,
Знаю, она сказать ничего не хочет.
Медведицы белой давно уж нет следа,
А я? Быть может, все-таки да?
Остроугольных рифм куплеты среди дня,
И больше не ищи меня.
Потеряна в поту бессмертных грез,
Поэзии всадник меня давно увез.
Слагала куплеты так плавно и нежно,
Казалось, она была без одежды.
Поэзии дюны окутали нас,
Меня и тебя,
Как будто на раз.
В пространстве безвременья я проступала,
Ударные для нее пылливо искала.
И в плен свой манящий прошу взять меня,
Поэзия - друг того самого дня.

Время

И вновь осенняя пора,
И снова ты стоишь у моего окна,
Миролюбиво, тихо изнывая,
Ты ждешь чего-то —

Ну и пусть.
Увы, увы, предугадать нам не дано,
Что видеть вовсе не умеем,
Не замечаем то, во что так свято верим,
Надеждою томясь.
Ты - время, что так быстротечно,
Что ласкою своею так легко, безбрежно
Касаешься моих волос.
И русских, и когда-то белых,
А вскоре попросту седых.
Чего же ждешь у моего окна сегодня?
Ах, нет, не ждешь ты ничего.
О, время, жаждешь лишь ты одного,
Того простого, неземного
И уходящего другого,
Терзающего душу того дня,
Что был так близок, идеален,
А стал теперь уж весь изранен.
Ты понимаешь речь мою,
Которую тебя молю
Остановиться на мгновенье,
Застыть, запечатлеть момент,
Оставить прошлое уменье
Страдать и видеть тот фрагмент,
Что часто снится мне.
Те скифы, что копьем сражались,
Сарматы, киммерийцы, их вожди,
Ты только, только подожди

И не сворачивай на полпути.
Договорить мне дай немного,
Что так хочу я рассказать.
От жизни взять мне нужно много,
Не золото, а только лишь слова.
Те добрые, увенчанные златом,
Любовью нежною из первых уст,
И только искренности ради
Меня упомянуть ты не забудь.
И снова осень за окном,
И ты стоишь, окутана все тем же сном.
Очнись, пора остановиться
И, может, даже чуточку влюбиться,
Пойти туда по мостовой,
Уйти, захлопнуть дверь ногой.
Присесть, немного отдохнуть,
И снова ринуться в далекий путь.
Забуться.
Сквозь переулки, города и страны,
Где нет предательства, обманов,
Дорогу осветить блистательным туманом
И вновь туда, за облака.
О, время, нам успеть с тобою снова
Уж точно не дано,
Все там давно предрешиено.
Весь путь я гнать тебя должна,
А ты в сторонке, улыбаясь,
Как будто бы меня не знаешь,
Уносишь за собою тех,
Воспоминания прожитых лет.
А я бегу и спотыкаюсь,
По жизни от чего-то маюсь
И в предвкушении тебя
Стараюсь все не потушить того огня,
Что от рожденья мне был дан,
Тобою сослан в ссылку,
Дабы в конце опять богам
Преподнести младенческую улыбку.
В земле сырой все одинаковы мы будем,
Тебя уж точно там не позабудем.
И летний зной сменяет дождь,
И листья на багрянце осени,
Я знаю, ты опять придешь
И станешь лужами промокшими,
Я упаду к твоим ногам,
Прося не отбирать опять,
Но не вернешь ты вспять,
Ведь не твоя манера что-то возвращать.
Мы были очень близко,
Касались мыслями, мечтаниями каждый день,
Но я не знала тогда риска
И потерь.

Потом пришло обременение,
Утрата, боль, тоска,
И снова осень, форма и два колоска.
Из года в год не замечаю я года,
Откуда отправляются те поезда,
Что аленький цветочек разнося,
Уносят вдаль года.
И не в той грусти вовсе дело,
Просто не замечаем иногда,
Как быстро они бегут туда,
Откуда все и начиналось,
Заканчивалось, снова продолжалось.
Не упустить бы тот момент,
Чтоб не купить билет,
И снова, снова сесть за книгу,
Которую излечится тоска,
Она поможет сделать два рывка
К той истине небесной.
И что печальнее всего на свете,
Что не в ответе за себя,
Как будто маленькие дети,
Не можем сохранить того огня.
А жизнь проходит, усмиряет
И даже где-то покоряет,
Не осенью, а летом красным,
Когда мы не у власти
Над разумом своим.
И овладеть не можем вовсе,
Ведь все мы здесь как гости
Обречены.
Но ведь не грустно же сейчас,
А может быть тоскливо,
Что часто и крикливо
Тебя мы просим так игриво
Сокрывать всю правду
От чужих,
Хоть в мире этом даже нет своих.
И ты все это знаешь
И сердцем понимаешь,
Однако лист календаря срываешь,
Говоришь мне и убегаешь.
Гнать ли тебя?
Подгонять ли тебя?
Вовсе нет.
День ото дня
Продлеваю весну в своем сердце,
Чтобы зимним вечером греться,
Попивая чай в стакане,
Никогда не думать о небесной манне.
И ты оценишь этот путь,
Только не сразу меня забудь,
Постой у моего окна сегодня —
И буду я довольна.

Зашита

Зал еще пустовал. Высокие стрельчатые окна, наполовину закрытые тяжелыми шторами, пропускали в помещение мягкий свет. Несколько рядов кресел перед монументальным столом. Доска и мел — дань старине и вся современная аппаратура для подачи материала были готовы к работе. Ожидание витало в воздухе.

Соискатель глубоко вдохнул, словно пытаясь в полной мере проникнуться этой атмосферой, сделал короткий решительный выдох и твердой походкой направился в комнатку, где готовились к защитным выступлениям многие поколения ученых. Материал диссертации, выстраданный в течение нескольких лет кропотливой работы, был знаком до последнего знака препинания. Мультимедийная презентация в стереорежиме, последний «писк» моды, надежно хранилась в памяти миникомпьютера и должна была произвести на членов защитного Совета самое выигрышное впечатление. Это мнение принадлежало руководителю диссертанта, доценту Хрор Носру.

Когда соискатель буквально через несколько минут вернулся, зал был заполнен почти наполовину. Тема диссертации — едва вышли первые статьи — вызвала живые, донельзя противоречивые отклики не только в профессиональной среде, но и в обществе, чему способствовали многочисленные журналисты, которые писали на научные темы. Он устроился в третьем ряду слева, чтобы было удобно идти к аккуратной трибуне и, закрыв глаза, представил себя на ней. Легкий шум вывел его из задумчивости. Под едва слышимый шепот в зал вошли члены Совета, неторопливо заняли полагающиеся им места в первых рядах. Председатель — доцент Хрор Рэндра — воцарился в монументальном кресле, рука его опустилась на старинный медный колокольчик, и мелодичный звон, как и десятки лет назад, возвестил о том, что Совет готов перейти к рассмотрению защитной работы молодого исследователя. Работы, которая еще до своего завершения вызвала излишне горячие споры как в научной среде, так и далеко за ее пределами.

Председатель Совета, доцент Хрор Рэндра, величественный в своей черной с пурпурной каймой мантии и в строгой старомодной шапочке, поднялся и размеренно произнес: — Дамы и господа! Я с большим удовольстви-

ем вижу в зале тех, кто, как правило, не балуют ученых своим вниманием и вспоминают о науке, когда необходимо найти статьи бюджета, которые можно подвергнуть секвестру. Представители политической, — тут он на несколько секунд замялся, вызывая легкие ухмылки у наслышанных о его манере шутить, — так сказать, элиты, могут привнести излишнюю нервозность в обсуждение строго научных вопросов, от чего мы их заранее и просим воздержаться.

Не буду более занимать ваше внимание. Слово предоставляется соискателю научной степени, уважаемому Барр Гррону. Научный руководитель нашего молодого коллеги доцент Хрор Носр. Тема работы — «Компьютерное моделирование эволюционных процессов на нашей планете применительно к классу млекопитающих: возможные пути развития, реалии и предположения».

Моложаво выглядящий соискатель, которого не делала степенным строгая черная мантия, энергично прошел к трибуне, окинул зал взглядом и, слегка запрокинув голову, произнес звучно:

— Дамы и господа! Для меня высокая честь делать доклад о своих скромных изысканиях в аудитории, которая слышала голоса многих выдающихся представителей науки. Это чрезвычайно волнительно, ведь среди тех, кто сегодня, я надеюсь с долей снисхождения, выслушает мой доклад, находятся ученые мужи, которых я без всяких натяжек и колебаний могу назвать своими учителями.

Посылком для настоящего изыскания стал неопровержимый научный факт, который давно известен астрономам. Наша планета избежала столкновения с крупным метеоритом каких-то несколько десятков миллионов лет назад. Это столкновение могло в корне изменить не только климат, но и пути развития эволюции на нашей планете.

Современные компьютерные технологии делают возможным то, что еще несколько десятков лет назад трудно было даже представить. Моя работа, таким образом, посвящена, а точнее, простите, целью исследования является расчет возможных последствий космической катастрофы планетарного масштаба на ход эволюции.

Зал замер и оставался практически немым, если не считать покашливаний и едва слышимых коротких фраз, которыми обменивались слушатели. Ошеломление читалось на лицах некоторых гостей, которые были далеки от современной науки. Блестящая подача материала действительно поражала воображение. Трехмерная графика, лазерные эффекты, звуковое сопровождение — все было пушено в ход и талантливо приправлено выверенным, словно на показ неторопливым, но рассчитанным до последней секунды комментарием.

Потому, едва только доцент Хрор Рэндра поднял руку, давая понять, что регламент исчерпан, соискатель перешел к благодарностям за содействие в выполнении работы некоторым из присутствующих и рассыпался в искренних комплиментах в адрес доцентного руководителя.

— Все это прекрасно, однако время идет, так что слово по традиции и согласно регламенту, предоставляется официальному оппоненту, доценту Хрор Рэдду.

Пожилой, страдающий избыточным весом и тяжелой одышкой официальный оппонент начал свою речь, даже не потрудившись добраться до трибуны, и потому несколько предложений были услышаны лишь председательствующим, а также членами защитного Совета, которые сидели в первых рядах, и сразу вызвали оживление, сопровождаемое короткими репликами.

— Глубокоуважаемый председатель, члены Совета, коллеги, заинтересованные лица. Должен подчеркнуть, что только что прозвучавший доклад произвел на меня очень сильное впечатление, а я старожил этого собрания. Манера подачи, выверенные ораторские приемы, использование самых современных средств медиа, я хочу еще раз подчеркнуть — умелое использование технических достижений, все это направлено на решение одной задачи, достижение одной цели — убедить нас в том, в чем убедить принципиально невозможно.

Вступление заставило соискателя облиться холодным потом, а доцент Хрор Носр наморщил солидных размеров нос, выражая таким образом свое мнение относительно столь агрессивного, явно рассчитанного на публику, начала. Пресса заметно оживилась, а представители политкума облегченно вздохнули. Оно и понятно, иметь дело с монолитным мнением ученых это одно, тут не поспоришь особо, а вот при таком раскладе проблема решалась намного проще.

— Да-да! — продолжил оппонент, сложив короткие руки на солидном чреве, — вслед за соискателем я готов поверить каждому слову коллег-астрономов. Наша планета могла 70 миллионов лет назад столкнуться с круп-

ным космическим телом. Да, эта гипотетическая катастрофа, безусловно, должна была сказаться на климате, привести к значительным жертвам среди представителей тогдашней фауны, которые знакомы нам лишь по материалам раскопок, по отпечаткам в осадочных породах, фрагментам скелетов, но... Предположение о том, что подобный природный катаклизм мог кардинально изменить пути развития эволюции на нашей планете, на мой взгляд, далеко выходит за рамки научной полемики и уводит нас в сторону пусть и научной, но все же фантастики.

Скажите, пожалуйста, как принять расчеты автора, которые якобы объективно показывают, что за весьма короткий исторический отрезок времени древние грызуны, млекопитающие, родственные современным мышам, хомякам, тушканчикам, белкам и некоторым другим обитателям зоопарков, могли эволюционировать в такой степени, чтобы стать господствующим видом в масштабах всей планеты. Видом, я не поленись подчеркнуть, не только господствующим, но разумным.

Весь наш опыт свидетельствует, а разум вопиет против возможности реализации подобного сценария. Однако начнем от истоков. Не буду оспаривать расчеты уважаемого соискателя, примем их на веру. Колоссальная кинетическая энергия, выделившаяся при подобном, к счастью гипотетическом, столкновении, безусловно, вызовет мощное землетрясение, несоизмеримое с теми, которые известны нам. Можно с высокой долей вероятности предположить, что гигантская океанская волна, родившаяся после такого столкновения, опустошит прибрежные районы нескольких континентов на десятки километров в глубину и приведет к колоссальным жертвам среди животного мира прибрежной полосы как в воде, так и на суше.

Я еще раз подтверждаю, готов поверить во все это, но даже подобной череды фатальных событий соискателю мало. Для реализации фантастического сценария уважаемый коллега нуждается в еще более ужасающем продолжении катаклизма. Я попытаюсь процитировать возможно ближе к оригиналу: «Огромное количество мелких и крупных частиц грунта будут взметены в воздух, в стратосферу и через часы падут вниз смертоносным огненным дождем, от которого температура воздуха у поверхности планеты по самым осторожным оценкам может достичь нескольких сотен градусов». Готов поверить и принять, ибо только реализация подобной череды губительных событий может привести к полной гибели господствующего класса животных и выходу на авансцену эволюции доселе никчемных тварей.

Но вот во что я не поверю никогда, так это в то, что пусть и за миллионы лет эволюции из современных нам грызунов-млекопитающих или из их далеких ископаемых предков может сформироваться господствующий в планетарных масштабах класс животных организмов, разумная раса.

Как без сомнения знают уважаемые присутствующие, одним из элементов, которые способствуют эволюции, позволяют перейти к труду как двигателю эволюционных процессов, являются свободные верхние конечности. Вы можете оппонировать, они, мол, есть у тушканчиков, например, и им подобным. Пока согласимся, допустим, этого достаточно. А как прикажете трактовать эти примитивные сигналы, которыми обмениваются низшие животные организмы? При всем старании современные исследователи могут насчитать едва ли около десяти различных звуков, которые издают эти ничтожные твари, и это после миллионов лет эволюции. Соискатель хочет убедить нас в том, что из них может сформироваться богатая речь? Голосовой аппарат, который способен издавать попискивания, умиляющие моих внуков, может стать источником речи разумного существа со всем присущим ему фонетическим и интонационным богатством?

Даже наши далекие ископаемые предки, по самым скромным расчетам, издавали сотни самых разнообразных звуков, которые позволяли им обмениваться информацией в процессе коллективной охоты, предупреждать о грозящей опасности, передавать чувства и, пусть примитивные, но эмоции. Именно эти зачатки речи, навыки коллективных действий и свободные верхние конечности, самим провидением предназначенные для труда, позволили нашим далеким предкам сначала лишь выделиться из животного мира.

И только дальнейшее совершенствование позволило им превратиться в своего рода первых среди равных, чтобы затем стать главенствующим видом в масштабах всей планеты. Видом, который на протяжении тысячелетий творчески реорганизует окружающую неживую материю. Видом, который вышел в Космос, который готовится покорить ближайшие планеты.

В силу вышеизложенного я искренне убежден лишь в одном. Данная работа, вполне возможно, имеет определенную ценность, нет, лучше сказать просто и честно — несомненную ценность. Это законченный, блестяще скомпонованный, богатый по форме и великолепно иллюстрированный материал, который может быть использован в медиа как познавательная и развлекательная программа. Это будет полезно для нашей молодежи, станет стимулом к пробуждению фантазии, способом подвиг-

нуть поколение подрастающее на стезю исследовательскую, но... Я очень сомневаюсь в том, что подобные допущения могут составить основу для серьезного научного изыскания.

Официальный оппонент, задохнувшись то ли от негодования, то ли от одышки, направился к своему месту, а председательствующий, не выказывая излишних эмоций, предоставил слово соискателю.

— Я глубоко благодарен официальному оппоненту, уважаемому Брэд Рэдду, за сделанный им анализ. Безусловно, принятые мной допущения могут показаться излишне вольными, выводящими данное исследование за рамки строгой науки, но только показаться. На самом деле допущение касалось лишь одного факта, а именно — траектории метеорита. Все остальное — есть результат строго научного и, поверьте, скрупулезного анализа.

Дамы и господа! Современная компьютерная техника позволяет моделировать любые, самые сложные процессы. Мы лишь вводим параметры массы, скорости, приблизительный характер пород, их состав, плотность и некоторые другие. Дальнейшая обработка исходных данных производится без участия нашего разума, и потому настроения исследователя никак не влияют на полученный результат. Масса выброшенного вещества может быть подсчитана с достаточной точностью, сила притяжения нашей планеты — это константа, едва ли значительно изменившаяся за прошедшие десятки миллионов лет. Дальнейшие расчеты подтверждены практическими наблюдениями ряда исследователей и собственными экспериментами, а полученные результаты были удивительны даже нашему покорному слуге.

Как это не режет слух и не претит разуму, но именно мелкие грызуны, далекие предки современных млекопитающих, способны были пережить целую череду фатальных событий, которыми должно было сопровождаться столкновение нашей планеты с крупным астероидом. Более развитые, прошедшие к тому времени многомиллионный путь эволюции, многократно большие по размерам, узкоспециализированные по условиям жизни и пищевой базе, ведущие преимущественно наземный образ жизни, наши далекие предки в такой ситуации оказались бы в несравненно более трудном положении. Резкое изменение климата, гибель большей части растительного покрова и колоссальные жертвы должны были в этих фатальных условиях привести их к неизбежной деградации и гибели.

Именно этот факт, который для независимого исследователя является непреложной истиной, позволил мне приступить к следующему этапу расчетов.

Я проанализировал эволюционные возможности всех известных нам из раскопок видов животных той эпохи. Ответ был однозначен — среди выживших организмов в процессе эволюции главенствующим видом могли стать только млекопитающие. По сравнению с моллюсками, рыбами, членистоногими они имеют целый ряд несомненных преимуществ. Как ни удивителен этот вывод, но он укладывается в наши эволюционные взгляды относительно собственного вида, а значит, не противоречит научным, еще раз подчеркну, что нелишние, самым строгим научным представлениям.

Огромно разнообразие самых удивительных видов рептилий, современных нам диких видов, приспособленных к кардинально отличным друг от друга климатическим условиям нашей планеты. Однако, если верить археологам, прародителями всего этого великолепия являлись достаточно небольшие по размерам животные организмы прежних эпох, а именно текодонты. Да-да, именно эти, небольшие по размерам, но ходящие на задних конечностях животные, в процессе эволюции не только приобрели иные размеры, но завоевали все возможные среды обитания.

Нет никаких разумных ограничений для предположения, что предки современных млекопитающих могли эволюционировать в том же направлении и с не меньшей, но даже большей скоростью. Это объясняется тем, что природный катаклизм, а точнее, их фатальная черта, по сути расчистили бы пути эволюции для данной группы организмов, поставили их в привилегированное положение.

Еще раз поблагодарив официального оппонента за проделанную работу, соискатель, наконец, прервал комментарий, и присутствующие сосредоточили все внимание на действиях председателя Совета, уважаемого Ахр Рэндра.

— Гр-хрм, — начал он многозначительным покашливанием, скрывая таким образом легкое замешательство, — все услышанное нами пусть и достаточно убедительно, в первом приближении, но уж очень похоже на фантастику. Тут трудно не согласиться с уважаемым оппонентом. Мне действительно почти невозможно не то, что представить, но даже предположить гипотетически, что кто-то иной, а не выдающийся представитель нашего вида Урри Ггарын, мог первым подняться в Космос. Я не могу спокойно, без эмоций, относиться к предположению, что млекопитающие, пусть вследствие гигантского катаклизма, уничтожившего практически все живое, могли стать ведущим видом на нашей планете.

Аррис Тоттель, Ссок Ррат, Анакс Агорр — величайшие имена, принадлежат миру потомков

мышей? Нет, поверьте, что-то не позволяет мне принять подобную точку зрения, но мы представители чистой науки. Мы не можем позволить эмоциям заслонить, обесценить те немалые усилия, которые приложил соискатель, ту изобретательность, с которой он разрешил, казалось, непреодолимые трудности на пути познания истины.

Мы, дейнонихи, самой природой поставленные быть главенствующим видом на нашей планете, венцом творения, говоря высоким стилем, должны оставаться на высоте в любых ситуациях.

Посему диссертационная работа считается принятой как таковая, голосование должно состояться, и я объявляю час прямой полемики. Коллеги, прошу высказываться...

Публика в зале оживилась. Корреспонденты потянулись к еще не спящим светилам науки, пытаясь первыми взять интервью относительно «горячей» темы сегодняшнего дня, однако набирающая ход полемика не позволила мэтрам надолго отвлечься от существа дела, чтобы утратить любопытство суетной прессы.

— Уважаемый соискатель, — не утруждая себя необходимостью придерживаться официальной этики, продолжал, один из молодых членов Совета, — неужели вы можете предположить, что в процессе эволюции абсолютно не приспособленные к целесообразной деятельности четырехлапые твари могли превратиться в мыслящий вид?

— Уважаемый оппонент, — ответил той же монетой соискатель, обошедшись без имени, — мы все знакомы с основополагающей работой нашей ученой коллеги уважаемой Энн Эллс. Мы понимаем труд как целенаправленную деятельность, в процессе которой при помощи орудий, воздействуя на природу и используя ее в целях создания потребительских стоимостей, мы удовлетворяем свои потребности. Именно созидательному труду обязаны мы своим нынешним положением. Согласитесь также, что было бы антинаучно утверждать, что подобная эволюция не могла произойти с любым другим животным видом на нашей планете. Разумеется, для реализации подобной возможности должны были быть соответствующие стартовые условия.

— Да-да! Уважаемая Энн Эллс обещала быть на сегодняшнем заседании, но не смогла этого сделать ввиду неожиданного резкого ухудшения самочувствия. Вы удовлетворены ответом? — заметил председательствующий, стараясь разрядить излишне накалившуюся обстановку, и после короткого утвердительного кивка передал слово.

И пока следующий ученый сбивчиво пытался возможно более кратко сформулировать

вопрос, достопочтенный Бррэд Рэдд, склонившись к уху соседа, прошептал: «Ох, знаю я это неожиданное недомогание. Сам, не далее как две недели тому, объелся копченой стегоцефалятиной под аммонитовым соусом. Так скрутило, что даже лекцию пришлось пропустить. Печень уже не та, стар стал». Оба хохотнули утробно, вспоминая об известных в высоких научных кругах гастрономических предпочтениях отсутствующей коллеги.

— Уважаемый Барр Гррон, — наконец-то приступил к вопросу мало знакомый большинству присутствующих исследователь, — объясните, будьте любезны, каким образом, по вашему мнению, могло совершиться столь радикальное изменение функций конечностей?

— Благодарю за вопрос, уважаемый коллега. Мы обязаны труду и только труду тем, что в течение миллионов лет эволюции произошло известное всем разделение функций между конечностями. Нет никаких принципиальных различий, которые позволили бы утверждать, что тот же путь не могли проделать иные организмы. Мне кажется, что приведенные иллюстрации позволяют составить достаточно полное впечатление о возможной эволюции ископаемых млекопитающих. Предвосхищая следующий вопрос, добавлю. Роль созидательного труда столь же велика и в развитии органов речи, постепенной и поразительной, на первый взгляд, эволюции мозга...

— Да-да, касательно мозга. У современных нам рептилий, зауроподов, диплодоков соотношение массы тела и головного мозга составляет около 4000:1, а у нашего вида 80:1. Каким образом, на ваш взгляд, может быть преодолена подобная пропасть?

— Уважаемый коллега! Начнем с того, что аналогичное соотношение у современных млекопитающих составляет 200:1, таким образом, для достижения соотношения близкого, по нашим представлениям к оптимальному, остается преодолеть пропасть гораздо меньшую, чем нашим далеким предкам. Кроме того, нет ничего удивительного в том, что пути эволюции будут аналогичными для разных представителей животного мира, я на этом уже останавливался. В диссертации один из обширных разделов посвящен именно сравнительной анатомии...

— Гр-хрм! — подытожил очередной этап полемики председательствующий, — есть еще вопросы?

Из задних рядов поднялся сухощавый индивид с неприятным оскалом зубов и нервно произнес, придерживаясь, к счастью, общепринятых норм вежливости:

— Уважаемый Барр Гррон, все вышесказанное вполне резонно, на первый взгляд, однако не следует забывать, что у наших предков при

переходе к созидательному труду уже был анатомический субстрат, предрасполагающий к труду, так сказать, а именно — свободные верхние конечности, в то время как у современных нам млекопитающих, равно как и у их ископаемых предков, ничего подобного не наблюдается. На мой взгляд, это принципиальное отличие, которое в корне меняет ситуацию.

— Уважаемый коллега! Благодарю за вопрос. Позвольте уточнить, у многих современных нам грызунов верхние конечности выполняют двойные функции, и потому их можно рассматривать как своего рода ноги-руки. У далеких предков, некоторых родственных нам в эволюционном плане видов, верхние конечности даже редуцировались в процессе эволюции. Это привело к тому, что у части современных форм они не достигают даже рта. Я не вижу принципиальных различий в стартовом положении сравниваемых видов, хотя ваше замечание весьма тонко и касается чрезвычайно важной проблемы.

После этих слов разволнованный соискатель, словно дитя малое, облизнул длинным розовым языком пересохшие веки и, только услышав смешки в зале, конфузливо улыбнулся и полез в кармашек мантии за специальными влажными ароматическими салфетками. В обычной ситуации подобная оплошность могла дорого стоить, но здесь лишь вызвала толику сочувствия, даже среди представителей прессы, обычно не склонных к снисходительности.

— Ну да, — желчно и достаточно громко обронил достопочтенный Бррэд Рэдд, словно почувствовав это положительное изменение настроения, — у моих внуков живет белая крыса, она забавно умывается, мило пользуется передними лапками, когда ест, и чухается в этой свой шубке, отчего аллергия повсеместная. Она часами крутится в колесе (мне бы ее энтузиазм и неутомимость), но что-то незаметно, чтобы эти действия отразились на ее умственных способностях и массе головного мозга...

В зале раздался смех.

— Достопочтенный Бррэд Рэдд, — заметил председательствующий, — я с удовольствием дам вам слово для участия в прениях. Мы давно знакомы с вашим способом шутить, но нам, ученым, нет необходимости прибегать к дешевым эффектам, которые приличествуют, скорее представителям уважаемого цеха журналистов...

— Нет-нет, достопочтенный коллега, для меня уже давно все предельно ясно, похоже, как и для большинства присутствующих, и потому нам следует, вероятно, переходить к голосованию, если нет иных мнений, разумеется.

Достопочтенный Аххр Рэндра величественно оглядел зал, да так, что развеселившиеся

от столь редкой в ученых кругах публичной размовки представители прессы моментально умолкли.

— Есть иные предложения, дополнительные вопросы касательно существа диссертации? — И, выждав паузу, добавил: — Тогда переходим к тайному голосованию.

В полной тишине урна для голосования пошла по рядам. В зале повисла тишина, прерываемая лишь шепотом в задних рядах. На глазах у присутствующих достопочтенный Аххр Рэндра перевернул урну, и на стол выкатилось 11 черных и 11 белых шаров. Единный вздох прокатился по всей аудитории. Защитный Совет явно удался. Интрига, словно в триллере с лихо закрученным сюжетом, сохранялась до последней минуты. Все взоры обратились к достопочтенному Аххр Рэндра, единственному не проголосовавшему члену Совета. Тишина стояла такая, что казалось, будто заседание проходит в полном вакууме. Понимая торжественность минуты, председательствующий, словно специально, тянул паузу, и лишь когда терпение молодой части аудитории стало подходить к концу, произнес:

— Гр-хрм! — забавная ситуация, что-то мне это напоминает...

Я вздрогнул и проснулся. Яркий свет утреннего Солнца заливал комнату. Неистово орала птичка в окне кухни этажом выше, «опять забыли накрыть клетку платком, раздол... ротозей», — подумал про себя, все же соседи. Отключил будильник, несколько минут понежился под легким одеялом, улыбнулся легкому посапыванию рядом. Супруга мирно спала, сложив руки на груди. Над одеялом возвышался только огромный живот — девятый месяц, что уж тут комментировать.

И только стоя перед зеркалом в ванной комнате с жужжащей бритвой в руке, я во всех подробностях вспомнил этот кошмарный сон и искренне улыбнулся. Все же этот чертов метеорит таки угодил в Землю где-то около Юкатана, кажется, 70 миллионов лет тому назад, и господству ужасных ящеров на нашей планете пришел конец.

— Гр-хрм! — Прочищая горло, выдохнул я и невольно передернулся. — Все, — продолжил вслух, — аннотацию диссертации нужно дописать сегодня, иначе просто сойду с ума.

И тут, словно аура, неприятное предчувствие коснулось меня. Выключив бритву, я бросился на кухню. «Как я вчера ночью решил окончательно сформулировать название работы?»

На белом листке формата А-4, который все еще спокойно лежал на столе, крупным раз-

машистым, таким знакомым почерком было написано — «Компьютерное моделирование эволюционных процессов на нашей планете применительно к классу пресмыкающихся: возможные пути развития, реалии и предположения».

Я тупо воззрился на строчки, родившиеся всего несколько часов назад, минувшей ночью. Безрадостные мои размышления прервали тяжелые шаги и скрип половиц. Супруга с покрасневшими, мокрыми глазами обняла дрожащими руками и прижалась ко мне.

— Такой страшный сон приснился. Сердце до сих пор колотится, чувствуешь?

— Что случилось, дорогая? — как можно спокойнее ответил я.

— Представляешь себе, так отчетливо, все видела, как наяву. Лежу в родзале, все эти лампы над головой, кто-то суетится рядом, вроде все уже позади, а потом показывают мне нашего ребеночка, а в белых чистеньких пеленочках серая ящерица, большая такая, глазастенькая, толстенькая...

— Не ящерица, а велоцираптор, точнее — дейноних, — отреагировал совершенно поидиотски я и мгновенно прикусил язык.

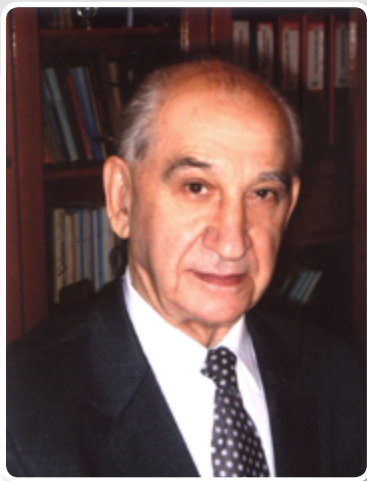
— Не говори при мне эти гадости, ненавижу твою работу. Я сама видела на УЗИ. У нас нормальный ребеночек, правда, они не говорят — это мальчик или девочка.

— Я пошутил глупо. Прости. Все у нас будет хорошо. Все будет прекрасно, посмотри в окно, день чудесный. Давай пойдем, погуляем в парке, тебе нужно больше двигаться. Успокойся, Бога ради, у нас будет девочка или мальчик.

Я медленно разорвал лист с названием диссертационной работы на мелкие кусочки и спустил воду, да так и застыл — с протянутой рукой и наполовину выбритой физиономией — далекий потомок древних мелких грызунов, выживших в той страшной катастрофе.

Что там агут астрономы насчет 2028 года?

Михаил Воронцов

Заслуженный профессор Харьковского национального медицинского университета

Гигиенист. Доктор медицинских наук, профессор. Заслуженный деятель науки и техники Украины (1995). Действительный член Украинской экологической академии наук. Лауреат стипендии Президента Украины для деятелей науки, просвещения и культуры. Ветеран труда. Зав. кафедрой общей гигиены ХНМУ с 1965 по 2002 г. Важное место в научной деятельности М.П.Воронцова занимали исследования, посвященные изучению гигиенических проблем, связанных с улучшением условий и режима труда рабочих в разных отраслях промышленности, гигиенической аттестацией рабочих мест, профилактикой заболеваемости рабочих с временной утратой трудоспособности.

Доброе напутствие студентам-медикам первокурсникам

Любому человеку стать студентом,
Студентом — медиком почетно.
Ведь это выбор человеком
Своей судьбы бесповоротно.

Путь к профессии врача
Очень длителен и сложен.
Его проходят лишь сообща:
Я хочу, могу и должен.

Чтоб овладеть врача умением
И стать врачом есть путь один —
Стремление и преодоление
Всего, что встретится в пути.

Успех в учебе обеспечен,
Трудись и днем, трудись вночи,
Учись всегда, не будь беспечен,
Читай, запомни, заучи.

В учебе трудностей немало
И все победы впереди.
И следуй правилу сначала —
Учись, учись и победи!

Учеба — трудная дорога.
Учись активно и гордись,
Цени себя и педагога,
Не отвлекайся, не ленись!

Учеба в вузе — труд немалый.
Он равен подвигу почти.
Его всегда бывает мало —
Чтоб быть врачом — всегда учись!

И в жизни помнить полагается
Законы жизни трудовой:
В ней все победы начинаются
С победы над самим собой!

За труд, учебу, как и надо,
Получит выпускник диплом.
Диплом — высокая награда
И цель, достигнутая в нем.

Диплом врача — путевка в жизнь,
В жизнь славную врача,
Ради которой надо жить,
Работать много и всегда!

Подвигу медиков в Великой Отечественной войне

Когда в печальную годину
На нас обрушилась война,
Врачи вставали в строй единый
И шли в окопы на врага.

В огне боев, в пылу сражений,
В дыму простреленных ночей,

Все видели свершавших подвиг
Самоотверженных врачей.

В горниле фронтовых страданий,
Спасая гибнувших людей,
Врачи несли свет сострадания
И свет профессии своей.

И мужество свое, как знамя, пронесли,
Здоровье воинов бесстрашно защищая.
Беду терпели, все перенесли,
За это жизнь нередко отдавая.

На памятниках, обелисках,
И в светлой памяти своей
Храним мы свято полным списком
Всех медсестер и всех врачей!

Всех, кто погиб, и тех, кто выжил
На самой страшной той войне.
И с каждым днем они нам ближе,
Назаменим и родней.

Самоотверженным усердием
Врачи, спасая жизнь людей,
Свершили подвиг милосердия
Во имя жизни на земле!

Воспоминания...

Родился 29.06.1929 г. в с. Михайловка Ставропольского края в семье крестьян. Начало войны застало нас в Азербайджане (г. Кировабад), где в это время наша семья жила у родственников, и затем весь период войны были там же... Там же учился в русскоязычной школе.

Все местное население восприняло внезапное начало войны как сильнейшее потрясение, изменившее привычный уклад жизни и судьбы людей, в первую очередь призванных в армию и ушедших на фронт.

В семьях, в быту, в школе, где мы учились, как и во всех трудовых коллективах, все были полны переживаний, вызванных страшной войной.

Запомнилось, что известие об агрессии фашистской Германии и последующие, связанные с ней события оказали сильнейшее влияние на общую атмосферу в стране, социально-экономическую ситуацию и морально-психологическое состояние каждой семьи.

Все последующие годы жизнь нашей семьи, как и жизнь огромной страны, была связана с военными событиями. Мы повседневно ощущали, как коренным образом война изменила материальное положение нашей семьи, ее та-

кие важные стороны, как питание, обеспечение одеждой и обувью. Все это уже по существу определялось, прежде всего, карточной системой, введенной после начала войны, и связанным с этим ограничением потребительского ассортимента продуктов питания и т.д.

Навсегда запомнилось, что каждый день мы постоянно ожидали новых сообщений Совинформбюро о положении на фронтах и успехах наших войск. Оборона Брестской крепости, успешное наступление наших войск под Москвой, оборона Севастополя, Сталинградская битва, круто изменившая весь ход войны, Курская битва, стойкость и мужество армии и населения в период 900-дневной блокады Ленинграда и др. вселяли уверенность в окончательной победе нашей армии.

Глубокое потрясение вызвала гибель близких людей, членов семьи на фронте. В боях на территории Белоруссии в апреле 1944 г. погиб мой старший брат. И эта невосполнимая утрата навсегда оставила боль и страдания в нашей семье, связанные с потерей родного человека.

После окончания школы в 1948 г. учился в Бакинском, а затем в Харьковском медицинском институте, военно-медицинский факультет которого окончил с отличием в 1954 г. Затем как военный врач служил в г. Сталинграде. После увольнения из армии в 1956 г. поступил в аспирантуру на кафедру общей гигиены Харьковского медицинского института, где последовательно пройдены все этапы профессионального роста: был аспирантом, ассистентом, доцентом и 37 лет (1965-2002) заведующим кафедрой, в дальнейшем профессором этой же кафедры. Учителем и наставником для меня в период работы на кафедре стал профессор Кошкин Моисей Львович, талантливый ученый-гигиенист и педагог, благодарность к которому и ко всем педагогам сохраняется всю жизнь.

Желание стать врачом и только врачом сформировалось уже в период войны, в школьные годы. Выбору профессии способствовали советы родителей, впечатления от прочитанных книг, в которых освещалась самоотверженная деятельность врачей в мирное и военное время, а также собственные наблюдения за деятельностью врачей. И Харьковский медицинский институт с его богатейшими историческими традициями старейшего вуза в Украине является уникальной школой профессионализма, какой он стал для меня и для многих поколений отечественных и зарубежных врачей. Врачебную профессию избрали для себя также мои дочь, сын, внуки, и таким образом медицина стала для нас по-настоящему семейной профессией.

Петро Джерелянський

Публіцист, поет

За освітою — історик, за покликанням — літератор. Друкується у вітчизняній та зарубіжній (діаспорній) періодиці, колективних збірках і альманахах, лауреат багатьох журналістських та літературних премій. Особливе місце у творчому доробку Петра Джерелянського посідають надзвичайно прості за змістом та формою вірші, об'єднані почуттям широї любові до світу — безмежного й розмаїтого...

Із циклу поезій
«Квіткові замальовки»

Вінок із квітів запашних —
Дівчині втіха.
Намистечко рядків оцих —
Зі сліз і сміху...

Жіночий погляд — промінець звабливий!
Розповісти про нього — хто зуміє?
І навіть сильний духом та сміливий
Очей не відведе од втіленої мрії...
Порозуміться допоможуть квіти,
Бо тільки мову пелюсток яскравих
Дано збентеженому серцю зрозуміти,
І лише згодом — час для слів ласкавих...

Троянда

Хоч і шляхтянка між рослин вона єдина,
Найближча родичка її — проста шипшина.
Троянду ніжно пригорне до себе кожен,
Для кого й біль від колючок — як ласка Божа...
Краса цих квітів неземна, але зваблива,
Немає схожих серед них — всі особливі!..
В очах у хлопчика краса троянд відбилась
Й відтоді назавжди у серці оселилась...
Які шляхи йому не приготує доля,
Не скривдить і рослинка, що зростає в полі, —
Плекатиме її, як рідну він сестрицю
Або знесилену польотом довгим птицю...

Жоржини

Коли потяг у даль загуркоче,
пригадаються знову мені
дзвін гітари у місячні ночі,
поцілунки й жоржини сумні...
Володимир Сосюра

Поет, в чиїх рядках бринить сердечна туга...
Життєвий шлях його — суцільні темні смуги.
Тому жоржиновий розмай — йому не втіха,
Коли запанувало скрізь червоне лихо...
Нас потяг часу вже домчав в нову епоху,
Де є не тільки боротьба, а й пошук Бога,
І де жоржини нам несуть не сум, а радість,
Вони — фантазії політ і досконалість!..
Душа як раптом заболить — не знати чому,
То квапимось, аби скоріш дістатись дому.
Своєю зачарує нас квітник красою,
І тихо-тихо мовить хтось: «Завжди з тобою...».

Хризантеми

Вони цвітуть в містах і в селах при дорогах,
Коли вже дме на них зими суворий подих.
Їм не судилося полинуть в теплий вирій,
Бо мають заповіт: «Люби свій край і віруй —
Домівка рідна нас одна лише зігріє,
Не скориться біді той, хто про щастя мріє,
Красі і мужності лиш там нема зупину,
Де дбають над усе про матір та дитину...».
Між квітами вони подібні самураям —
Вважає хтось із нас. На те додати маю,
Що притаманна їм козацька щира вдача,

Сміливий вільний дух — надійний, не ледачий!
І, як у давнину, оружною рукою
Козачка зупиняла ворога лихого,
Так опираються тендітні хризантеми
Холодним злим вітрам, що рвуть ушент антени...
...

У війську парубок служив — його чекали!
Та навіть друзі і батьки того не знали,
Що марить цей юнак казковим світом,
Де владарюють не князі — дерева й квіти...
Час служби проминув. І ось він — знову вдома!
Вітає кожного без огляду на втому,
А першими його зустріли хризантеми,
За ними — дівчина. Але то інша тема...

Гібіскус лик свій осяйний звернув до нас,
Вогниста посмішка його спиняє час!
Гаряче літо досягло свого zenіту,
Вбрання у квітів — із шовків та оксамиту...
Гібіскус-красень поміж них — неначе легінь,
Водночас ніжний та міцний — вода і кремій!
Як викликати такий козак дівчину,
То не почути їй його — нема причини...

Цю квітку знають як розбите серце,
А науковці звать її дицентра.
Колись не буде вже сердець розбитих,
Бо вмійють наші парубки любити
Своїх дівчат, і жодна з них не зрадить
Коханого, що доля їй порадить...
Тоді, можливо, і назвуть дицентру
Вже не розбитим, а щасливим серцем!

Коли одразу не збагнеш, що любо милій,
То не вагайся і даруй букет із лілій!
Ім'ям жіночим нарекли цю квітку дивну,
Та кожен уявляє в ній свою царівну...
Якщо ж зростити зможеш сам красу подібну,
Любов коханої тобі — дарунок гідний!

Пройти життєвий лан — не поле подолати...
Втім, долі та лани не варто зіставляти —
Трапляється, що вшент укриті будяками,
А десь святкують свій розмай червоні маки.
Завершитись, мов зорепад, оте цвітіння —

Палати краще мить, ніж вікувати тінню!..
Погляньте: маки свій розмай святкують знову,
Червону хвилю зупинить — нема й розмови!
Буває так, що почуття вогнем згоряють,
Але і спогади про них нас зігрівають...
...

Милують око вже липневі краєвиди,
І мліє серденько в очікуванні дива —
То незбагненне диво врожаю рясного,
Що нам його Господь дарує знову й знову.
І хоч і гадки ще нема про жовте листя,
Калині мариться щораз її намисто...

Мак сонця

— Чи можна скуштувати... сонце? —
Замислилась на хвильку мати:
— Ти подивися у віконце,
Там персик виріс коло хати.
Плоди — духмяні, солоденькі —
Щораз на ньому рясно родять.
Той смак, підказує серденько,
Від променів ясних походить...
Як від негоди порятують
Це диво-деревце маленьке,
То знову сонечка скуштують
Дитина і дбайлива ненька.

Коли дитина відкриває
Світів безмежне розмаїття,
То якнайперше вирізняє —
Асфальт або зелене віття...
Щасливий той малюк, що бачить
Перед собою сад зелений,
А не похмурі та ледачі
Міські двори й пожухлі клени.
Як душу ніжну малюкові
Краса квітова обігріє,
Дорослий — не пролле він крові,
Бо про Господню правду мріє...

Воскресіння

Великдень — свято Воскресіння!
Чи з цибулини, чи з насіння
До сонця тягнеться рослина,
А наша рідна Україна
Відродиться для майбуття,
Бо смерті не здолає життя

Фахівець I-ї категорії Навчально-наукового інституту післядипломної освіти

У кожної людини є необхідність якось виразити свої думки, емоції. У картинах, музиці, віршах...

АНГЕЛ

Кто подрезал у ангела крылья?
Теперь ангел не может летать,
Только взгляд, переполненный синью,
В небе помощи ищет опять.
И молитвенно сложены руки,
С губ иссохших слетает мольба...
Кто подрезал у ангела крылья
И к земле привязал навсегда?

ДВЕ СЕСТРЫ

Людская зависть — нет тебя страшней
И сказки для доверчивых детей
О том, что зависть белою бывает.
Где эта грань? О ней никто не знает.
Любая зависть душу разъедает,
И по ночам не спится много дней
Лишь потому, что белый яд слабей
И медленно, но верно убивает.
О, ревность, зависти сестра,
Сжигает душу до утра
И утром нас не отпускает,
И рвет на части, и терзает...
Чем ревность зависти страшней?
Тем, что она на много дней
Двоих мученьем награждает
И умирает лишь тогда,
Когда любовь с ней умирает.

ЛЮБОВЬ

Твоя любовь, как раненая птица,
Ко мне в окно на склоне дня стучится —
Я не могу отрыть тебе окно,
Решеткой заколочено оно.
И по ночам мне душно и не спится —
Твоя любовь во сне ко мне стучится.
И я не сплю, чтоб не пустить ее...
Я начеку, на страже каждый день —
Твоя любовь преследует как тень,
Но умерла во мне моя любовь —
Ей не воскреснуть на рассвете вновь.
Но только сердце ноет и болит,
Любовь не умирает — говорит...

ПРУД

Золотая осень
Наклонилась к небу —
Смотрит синевою
Небо из пруда.
И роняют листья
Грустные березы.
И уходят листья
В небо навсегда.

КОШКА

Пусть говорят, что за любовь не платят,
Но только есть расплата за любовь...
И каждый вечер в тихий час заката
Ко мне крадется черной кошкой боль.
Потрется шкуркой бархатной о ноги,
Запустит прямо в сердце коготок -
Рванется птицей раненой тревога,
Сломается надежда, как цветок.

Играет кошка с сердцем, словно с птичкой,
Отпустит и поймает его вновь.
Быть может, это не любовь — привычка?
Но, если так, тогда откуда боль?
Откуда эта вкрадчивая кошка,
Что нежно когти выпустит и ждет,
Что птичка успокоится немножко
И снова в ее лапки попадет.
И сердце рвется каждый день на части,
И ненавидит, и трепещет вновь,
И жить не может, и болит от счастья,
Благословляя и храня любовь.

Твоя точка кипения —
Моя точка замерзания.
Твои смены настроения —
И мои непритязания.
Не корабль, а легкий парусник,
О твои разбилась скалы я.
И, вкусив от жизни горечи,
Отравилась темной ночью я.
Не растаяла я от нежности,
Не сбежала от неизбежности.
Как устала я, как устала...
Где у жизни тупое жало?

ПТИЦА

Согрею лист в своих руках,
Озябший на ветру.
Он теплым солнышком сиял
На ветке поутру.
Потом воробушком вспорхнул
И вздумал улететь,
Чтоб среди птиц в чужом краю
Другие песни петь.
Смешная маленькая жизнь
И убежденность в том,
Что можно счастье обрести,
Не быть простым листом.
Как светел был его порыв,
Как высока мечта.
Как много для себя открыл
В полете с высока...
Как птица, легкий и живой,
И трепетный, как звук, —
Таким он встретился со мной,
Попал в объятья рук.
Пусть спит, в ладонях схоронясь,
Согрет моим теплом.
Он не узнает от меня,
Что был простым листом.

НАВАЖДЕНИЕ

Прикосновение ромашки,
И аромат твоей рубашки,
И отражение в глазах,
И сердце у тебя в руках.
Оно стучит в твоих ладонях,
Я падаю и поднимаюсь вновь,
Во мне горит моя любовь.
Я подчиняюсь, я — твоя...
Исчезли небо и земля...
И только слышно сердца стук,
Прикосновение теплых рук,
Туман рассеянной мечты...
Где ты, где ты, где ты, где ты?...

Веселый человек — он весел не всегда,
Но на его губах спокойная улыбка,
И грусть в его глазах пришла не навсегда,
И тает на лету прозрачной зыбкой дымкой.
Он легок на подъем, и сердце бьется рыбой,
И трудности в пути покажутся ошибкой.

А грустный человек — он грустен не всегда.
Но грусть в его глазах крадется
черной кошкой,
И каждый раз, когда приходит радость в дом,
Все кажется ему, что это — понарошку.

Мы испокон веков стремимся к тем,
кто весел.
Им просто и легко — жизнь льется,
словно песня.
Им водка, что вода, печали, словно птицы —
Слегка взмахнешь рукой — и стая разлетится.

Ты сможешь стать таким, попробуй —
это просто,
Протянутой рукой достанешь с неба звезды.
Но близко их глаза, и стоит в них взглянуть,
Увидишь — там слеза непонятого детства.

А я иду к тебе — не грустен и не весел.
Дожди в моей судьбе, а может, солнце светит.
Не стану ворошить, а стану удивляться.
И грусть в моей душе мешает мне смеяться.
Стараюсь в небесах звезду не пропустить,
И смех в моих глазах мешает мне грустить.

Бібліотекар Наукової бібліотеки

Усе моє життя пов'язане з нашим містом, а професійне — з медичною книгою. Спочатку працювала в Харківській державній науково-медичній бібліотеці, а після отримання вищої освіти — у бібліотеці нашого вишу, у тому числі і на профспілковій ниві — багато років була профгрупоргом первинної організації. Завжди серед людей, небайдужа до їх почуттів, переживань, радощів... І, нарешті, мої думки запросилися на папір...

НЕЖДАННАЯ ВСТРЕЧА ...

В ловушке каменного города,
В плену у чувства пустоты
Услышала я долгожданное: «Не может быть,
Ведь это ты!»

На перекрестке в дымке утренней,
В осколках весь седых зеркал
Стоял когда-то мной придуманный
Такой неидеальный
Идеал...

И погружаясь, словно в омуты
Судьбы крутые виражи,
Смотрела я в глаза бездонные,
Пустое зеркало
Твоей души.

И будучи судьбы заложником,
Ты так улыбочиво молчал...
В копьё войны цветок подаренный
В мгновенье ока, как факир,
Ты превращал.

В тисках у паузы безмолвия,
Присев за краешек стола,
Ты попросил: «Свари мне кофе»,
Я выдохнула:
«Не ждала»...

На праздник наш,
Как гость непрошенный,

Пришла любовь... Я вовсе не боялась
Брошенной быть
Вновь тобой.

Порою наши отношения
Похожи так на миражи,
Любви не надо подношений,
Из тонкой, но коварной
Лжи.

Воспоминанья по касательной
Коснулись сердца невзначай,
Какой была я невнимательной,
Просил ты кофе, я приносила
Чай...

ОБЛАКО

Появилось в небе синем облако не зря...
Стало облако символом утра,
парусом нового дня.

И, расправив белые крылья,
устремилось облако ввысь,
Где чарующей музыки звуки
из органа Вселенной неслись.

Исполняла Вселенная музыку,
диск солнца чередуя с диском луны,
И наполнялось облако звуками
всеобъемлющей высоты.

Очаровано флейтою ветра,
облачившись в платье журавля,

Танцевало неистово облако
самый прекрасный на свете
Танец долгожданного дождя.

Растворяясь в бескрайней нежности
бесследно ускользающего дня,
Напоминало мне облако небесное о тех,
кто жил на свете до меня.

ПУСТЬ ВРЕМЯ ЛЕТИТ...

Пусть время летит, за годами года,
То в платье, то в шубы одето.
Весна за зимою несётся стремглав,
Боясь опоздать в поезда «Лето».

Времени хоровод непрестанно кружит,
Меня снежки на букеты.
Маэстро добра за сезоном сезон,
Ведёт в ритме танца планеты.

Играя дождём и росы серебром,
Укутавшись в радугу цвета,
Художник любви превратил небосвод
В картину из солнца и света.

Пусть жизнь непроста и сложны времена,
Тревогой, сомненьем задеты.
Мы верим всегда, что во все времена
Открыты любви мы и свету!

Пусть время летит, за годами года,
То в платье, то в шубы одето.
Где море тепла – там любви океан,
С волнами лазурного цвета!

Так было и будет во все времена,
И до бесконечности века,
Пусть морем любви, океаном добра
Наполнится жизнь человека.

Пусть время летит!

НЕИЗБЕЖНОСТЬ

1. Зачем же годы грусть подбросили
И искупали косы в серебре,
Рябины кисти в ярких красках осени
Преподнесли в подарок мне.

2. В проём оконный тихой музыкой
Вновь заструится звездопад,
Всё в мире этом переменчиво,
И за восходом следует закат.

3. Опять, дожди, вы сны мои тревожите,
Так беззащитно мешая спать,
Приходит время златовласой осени
Свои права зиме седой отдать.

4. Шальные ветры в синих сумерках
Погрузят город в листопад,
Вслед за которым лёгкой поступью
Шагнёт на землю снегопад.

5. Вновь в палантинах снежных кружев,
Укутавшись стоят дома,
Прекрасной гостею на званый ужин
Придёт волшебница зима.

Валерия Зленко

Студентка 3 курса I медицинского факультета

Родилась под знаком Близнецов.

С 10 лет и до сегодняшнего дня играю в народном театре-студии «Чудеса в решете». В течение 9 лет занятий в театре участвовала в большом количестве театральных фестивалей и конкурсов, в том числе с международным участием (Великобритания, Австрия, Словакия, Литва).

Писать стихи начала в 12 лет, но впервые представила их на всеобщее обозрение только в 16 лет. Медицину выбрала по зову сердца, т.к. в моей семье врачевание давно считается семейным делом.

Творец своих ошибок есть ты сам,
Не надо в них винить людей прохожих.
Внезапно гаснет пламени запал,
Внушающий защиту и надёжность.

Внезапно всё решается у нас,
Кто сдад свою позицию, кто принял.
Но не иди на тот самообман,
Что разрушает твою внутреннюю силу!

Фальшивый друг похож на тень,
Он с вами только в ясный день.
Он с вами в дружбе лишь тогда,
Когда есть в выгоде нужда.

Фальшивый друг, как худший сон,
Он вам внушает в унисон
Свои мечты, свою любовь,
Своей беды несчастной дрожь.

«Ошибаться нельзя!»

Все нам твердят: «Ошибаться нельзя!»,
Но на ошибках ведь строится наша судьба.
Сколько ни бейся и ни кричи,
Ошибки детей — это спутник мечты.

Раз ошибись и пойми, что не так.
Ошибка — наш друг, а не заносчивый враг.

Для будущей жизни выношу лишь одно:
Ошибки не делаются только в кино.

У каждой ошибки есть две стороны:
Для взрослой реальности и для души.
Делать ошибки — это не приговор!
Жить с ними можно, оставаясь собой.

Все нам твердят: «Ошибаться нельзя!»,
Но на этом и строится наша судьба.
Сеет ошибки каждый второй,
Но поймёт, в чём там смысл — только герой!

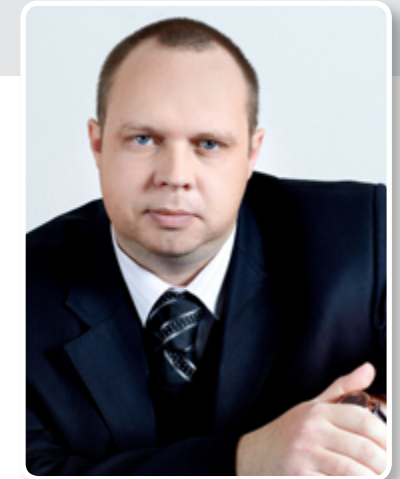
Ну, право, люди,
Хватит сей игры.
Пора и вам, и мне
Стянуть с себя все маски.

Ну, право, хватит,
Есть у вас мечты.
Они вас окрыляют,
Дарят сказки.

Ну, право, люди,
Хватит тратить час.
Для мира вы не ценны,
Ну, смиритесь.

Ну, право, хватит,
В жизни только фарс!
Мечтайте о любви
И к ней стремитесь.

Дмитро Карамисhev

Доктор наук з державного управління,
перший заступник директора Харківського
регіонального інституту державного
управління Національної академії
державного управління при Президентіві
України, професор кафедри громадського
здоров'я та управління охороною здоров'я
ХНМУ

Мои стихи адресованы читательской аудитории, готовой воспринимать жизнь во всех ее проявлениях, говорить о самом важном — о том, что помогает нам на нашем пути и что препятствует жизненному успеху.

Они для тех, кто видит свою миссию в служении людям, добром отношении к ним независимо от национальности, социального статуса, образа мышления, жизненных обстоятельств; в том, чтобы не утратить нравственность, а значит, способность творить добро и помогать ближнему.

(из сборника «Жизнь всерьез»)

Вечер

Был вечер. Такой вездесущий
В роскошном осеннем убранстве.
То внемлющий, то воздающий,
Окутавший негой пространство.

Божественный. Сказочный. Вечный.
Волшебный. Чарующий. Жаркий.
Версаль... Зажигаются свечи
Торжественно. Пафосно. Ярко.

Укрывшись пунцово-карминным закатом,
Крадется, как вор — незамеченный.
И Гелиос зрит обреченно на запад,
Навеки с ним увековеченный.

Порой запоздалый. Застенчивый.
Неспешный. Ползучий. Гнетущий.
Порой безутешный. Изменчивый.
Душевный. Сердечный. Зовущий.

А где-то, одна, в ожидании встречи
Считает минуты томительно-томно,
Лелеет надежду... Однажды... вечером.
И тихо рыдает в местечке укромном.

Доверчивый. Искренний. Чистый.
Нахлынувшим ветром. Беспечный

В нем запах жасмина — душистый,
Изысканный и безупречный.

Безумный. Волнующий. Страстный.
Порочный. Распушенный. Грешный.
Влекущий в объятия. Опасный.
Таинственный. Трепетный. Нежный.

Где рауты светские, званые встречи,
Там шлейф ароматов и красок смешение,
Изыщные формы, манеры и речи
Сокрыты за масками искусства.

Уютным и теплым, ворсистым ратином
С каким-то особенным чувством,
Лазурно-сапфировым ультрамарином
С гротеском. Вершится искусство.

Заблудшей души состоянье,
В котором становится легче,
Не ведающий расстояний,
Воспетый пиитами вечер.

Сверкая корундами, Лакшери,
Такой грациозный, галантный
От лоска и глянцевого мишуры
Роскошный и элегантный.

Условным губительным знаком,
Тускнеющим светом софитовым
Кромешным покроется мраком
И станет маренго — графитовым.

И снова, и снова судьбою повенчаны,
Безропотны мы, в ожидании участи.
Увы, господа. Циферблат наш очерченный
Не бременем времени. Зыбкостью. Скупостью.

Тот вечер не требовал нечто взамен,
Не рвался норд-вестом. Не ждал перемен.
Сомненья. Тревоги. Ушли, наконец,
Разумный. Свершившейся жизни венец.

Плыл вечер. Такой вездесущий
В цветущем, весеннем убранстве
То внемлющий, то воздающий...
И чуждо ему постоянство.

Нелепый укор Зимы

Уж скоро ль вернется забвеньем,
Нелепым укором студёной зимы,
Неужто ль наступит мгновение
И сбудутся вещи, вешние сны

Расстает седая. Наскучит подруге,
Утратит надолго былые права
И под завыванье неистовой вьюги
Сплетёт в одночасье свои кружева.

А ныне, укрыта ковром белоснежным
В рассвете рождественского убранства
Метёт! Заметает! Метель! Безмятежно!
Вмерзая в невидимое пространство!

Окутана дымкою призрачной неги,
Полярной звездой с небес воздана,
Сияньем кристального, чистого снега
Позволит собой насладиться сполна.

Под сказочной сенью заснеженных улиц,
При свете фигурных ночных фонарей
Беспечно. Игриво. Парадом любясь,
Ведёт она трёх белогривых коней.

Стремительно! Яростно! Лихо и страстно!
Надменно и пафосно. Нагло и дерзко.
Степенно. Адажио. Гордо и властно.
Крещендо! Решительно! Звонко и резко!

И вроде так зимно в душе и морозно,
Но все ж отчего-то на сердце тревожно.
Пришла грандиозно. Ушла виртуозно.
Держи. Не держи. Удержать невозможно.

Терять безвозвратно досадно. Однажды...
И будет зима. Ослепительной. Снежной.

Но та, что ушла... Не приходит дважды
Взволнованно, трепетно, слёзно и нежно.

Проснется до мозга промозглый город!
До кончиков пальцев заиндевший,
Триумфом Весны увенчается скоро,
Природой, почившей и вновь воскресшей!

Мой город

Заиграет весенними красками парков,
Расцветет на глазах, окунется в листву
Город детства и юности. Добрый мой Харьков.
Так случилось, что вырос я здесь и живу.

Я люблюсь тобою. Потрепанный. Сивый.
Перекресток миров, судеб и площадей.
Восхищаюсь. Мой город... Какой ты красивый
Не бетонным нутром, а душою своей.

Знойный вечер наполнен симфонией лета,
В дунном золоте шпилей, в ожерелье фонтанов.
Может, где-то есть город и краше, наверное, где-то...
Только ближе нет точно, скажу без обмана.

Иногда мне тревожно. Рассветной порою
Ранним утром внезапно становится жарко.
От июня до августа. Спите спокойно, герои.
Город помнит о вас. Светлой памятью. Харьков.

Ветер рвет провода и над городом тучи стущает,
И брусок покрыта холодным осенним дождем
Мегаполис туманный своих стариков провожает.
Не спешите, родные. Постоите.
Мы вас проведем.

Я гляжу на тебя. Мой заснеженный город
В зимних сумерках крыш исполином застыл.
Покрываются окна домов серебристым узором,
Но особенно дорог мне тот, что меня приютил.

Мой единственный. Солнечный.
Лучший на свете.
Строит. Двигается. Служит. Торгует. Растет.
По бульварам и скверам зеленым гуляют дети.
Город верит в вас. Любит. Надеется. Ждет.

И по воле судьбы все мы в нем
под небесной аркой —
Украинец и русский, цыган, армянин и еврей.
Славный Город. Родной. Я пою тебе, Харьков.
Город вечной любви. Город жизни моей!

Доктор медицинских наук, директор
НИИ гигиены труда и профессиональных
заболеваний, профессор кафедры гигиены
и экологии №1

Врач, ученый и педагог, посвятивший себя
проблеме охраны физического, психического
и социального здоровья человека и общества.
Научную работу Владимир Алексеевич сочета-
ет с художественным и литературным творче-
ством.

Владимир Коробчанский

Апокалипсис (теория катастроф и Божий промысел)

В едином акте разрушенья
Слились и небо и земля.
Поднялась буря мироздания,
Хаос в природу принося.

Вскипела паром атмосфера
И воды обнажили твердь.
Огнем пылала стратосфера.
Куда ползти, бежать, лететь?

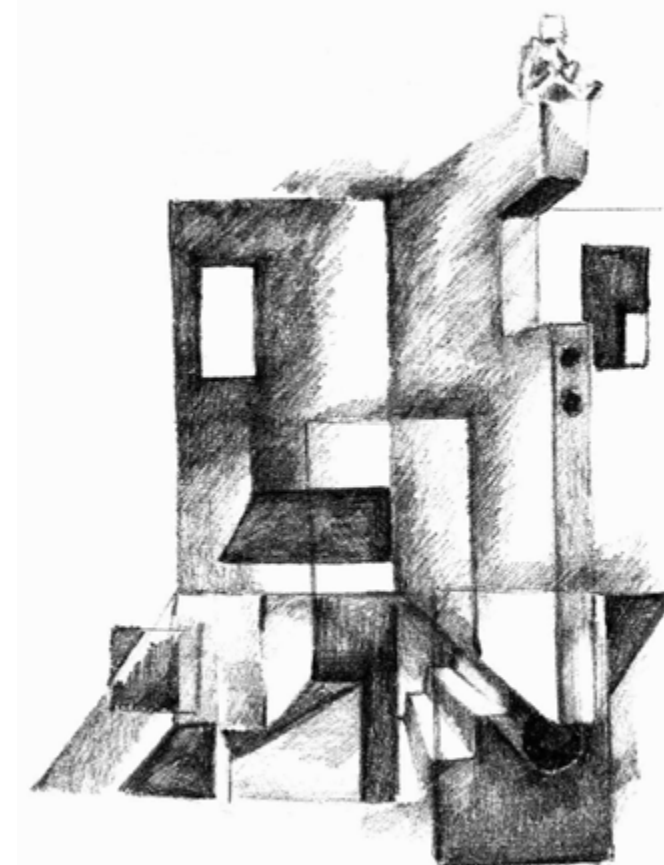
Багряной лавой извержений
Вздымалась черная земля.
Фонтаном били испаренья
И жертвам не было конца.

Апокалипсис свершился,
Стирая жизнь с лица Земли.
Но все же кто-то затаился
В норе, под камнем и в щели.

Из этих маленьких убежищ,
Навстречу будущим векам,
Взойдут ростки эпохи новой,
Когда-то дав дорогу нам.

Закон известный мироздания
Конец времен нам описал,
Не как посланье кары Божьей,
А как начало всех начал.

Апокалипсис. Графика

Г О Д Ы

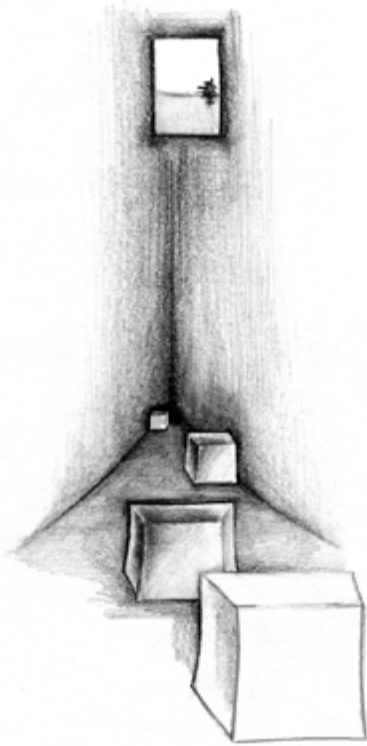
Уйдет с годами красота,
Отяжелеют ноги.
Зато узнаешь ты тогда,
На что потратил годы.

С любовью к ближнему прожил,
Иль к людям тлел враждою.
Горел, стремился и любил.
Иль прожил жизнь с тоскою.

За руку в жизнь детей привел,
Обрел коллег признание.
А может, жил ты как козел.
Всем людам в наказанье.

Работал много, созидал,
Сносил невзгоды стойко.
Или полжизни сачковал
И лишь трепался бойко.

Конечно, жизнь - она сложнее,
Чем может показаться.
Но только честно в ней иды,
Не будешь спотыкаться.

Обратная перспектива. Графика

У краина

Украина – родина моя.
Здесь живет моя семья.
Здесь мой род укоренился.
Здесь весной я родился.
В православие крестился.
Здесь для дела пригодился.

Украина – щедрая земля.
Сквозь столетия пройдя,
Несмотря на все напасти,
И на смену всякой власти,
На нашествие врага,
Дарит нам тепло сполна.

А еще земля стара,
Помнит, как пришла орда.
Перед нею был Атилла,
Отхватил тогда полмира.
До него здесь скифы жили,
Со славянами дружили.

А от здешних от людей,
От порогов и степей
В мир казачество пошло,
Что навек сердца зажгло,
Даровав потомкам честь
В свет нести благую весть.

Весть о том, как нам сберечь
Православие и Сечь.
Как за правду нам стоять,
И измену не прощать.
Как семью свою ценить.
Но и друга не забыть.

Что нельзя хандру холить,
Лучше в чарке утопить.

П ревертности судьбы

Молодость всегда красива,
Но бывает несчастлива.
Счастье наше, как назло,
Не на всех поделено.

Кто мажорит от рожденья,
Ложкой кушает варенье.
Ну, а кто-то с малых лет
Клянчит денежку на хлеб.

Где Судьба распорядится,
Там и вынужден родиться.
И не спрашивай «за что?».
А подумай – «для чего?»

Ступени. Графика

Казак. Графика

Студент 4 курсу II медичинського факультета

Снег... Снежинки с лёгкостью парят над землёй, устремлённые порывами ветра, они делают пируэты, заглядывая в лица прохожих. Одним из таких прохожих был и я. Мне запомнился тот вечер, когда после зимней прогулки, придя домой, сразу взялся за бумагу и ручку... Так родилось мое первое стихотворение. Слова мои были как те снежинки, которые порхали, будто играя между собой.

Моё хобби — это игра на музыкальных инструментах. Музыка помогает выплеснуть те эмоции, что на душе. Люблю читать и путешествовать. Легко нахожу общий язык с незнакомыми людьми. Надеюсь, что это поможет мне в будущем — помогать людям не только словом, но и делом. Ещё есть огромное желание изменить мир к лучшему, и я понимаю, что изменения нужно начинать прежде всего с себя.

Люблю тебе я, Україно!

Я народився на Україні милій,
де є красиві землі та плодючі поля,
і соловейко в гаї десь тихесенько співає...
І білим кольором калина зацвіта...

Степи широкі і річки глибокі,
і велетні ліси та сині моря...
Люблю тебе я, Україно мила,
нехай мій крик душі почує вся Земля!

Нехай вздригнеться водоспадом в світі
мрійливих, безнадійних тих людей,
які байдужі до своєї Батьківщини,
які байдужі до красивих тих пісень...

І у душі в них смуток й горе
розтопить крик гарматний цей...
Пройде крізь тіло, розум й серце,
він долетить до всіх людей!

Нехай вони кидають ту чужину
і повертаються додому, в рідний край...
Де вже на них давно чекають
вареники та борщ, і сіль, і каравай...

І ті лани широкополі,
і зорі, котрі світять путь,

і верби, які трошечки схилились
від вітру, який їх встигає гнуть...

Але нічого кращого немає на Землі,
ніж повернутися додому, до родні...
Де ріс ти та навчався в світі,
та де почав писати ці вірші...

Ой, Тарасе, Тарасочку...

Ой, Тарасе, Тарасочку!
Що ж мені робити...
Треба вірша написати,
душу освітити...

Та вірші складати важко,
як не маєш хисту...
Треба так слова низати,
як бурштин-намисто...

Та що вдієш, писати треба
та вдачу ловити...
Вірші складені для втіхи,
треба їх любити...

Ти, Тарасочку, не думай,
буду я писати...
До того вірша тую риму
не можна зламати...

Другу...

Цінуйте тих, з ким можна бути лиш собою...
Без хитрощів, секретів та амбіцій...
Та бережіть їх, вони вам послані судьбою,
адже в житті їх — тільки одиниці...

Їх дуже мало: життєрадісних, мрійливих...
Вони дарують нам душевне тепло,
якого в світі так не вистачає,
яке проходить крізь прозоре скло...

Ті руки, що простягнуті до тебе
та пропонують ширу допомогу...
Їх серце величезне, аж до неба,
вони полегшують життєву дорогу...

Мій ширий друже, дякую тобі
за ту підтримку, що від тебе маю.
Нехай не згасне дружба навіки!
Лише про це я Господа благаю...

Тарасе, чую тебе крізь віки...

Тарасе, чую тебе крізь віки...
Так чітко, наче ти стоїш переді мною
І можеш доторкнутись до моєї руки,
Лікуєш словом легко душу мою...

Лікуєш ти, бо знаєш, як болить...
Болить воно за рідну батьківщину...
Як люди роззирають всю її навпіл
І гублять один одного за копійчину...

А ставлення у всіх яке?
Багатий, бач, за крісло м'яке б'ється
замість того, щоб руку бідному подати
він навіть вже не може нахилитись...

А бідний що зробив, хитрун...
І вад нема, і не каліка,
та працювати не хоче йти...
Якщо сидіти довго — укоротиш собі піввіку...
Не треба так за течією все пливти...

Так от до чого я веду:
На місці щоб ми не сиділи,
а проривались до вершин...
Щоб роки ті не пролетіли,
як декілька простих хвилин...

Щоб тихо під кінець ви сіли
і можна було щось згадати...

Та головне, що правильно ви все зробили...
І ні про що не треба буде жалкувати...

СОН

Лиш тільки я заплющив очі —
та сниться мені дивний сон,
як в очереті серед ночі
милується зірками хлопечко за вікном...

Ось я тихесенько підходжу,
Розмову починаю з ним...
І так до ранку просиділи,
я ще ніколи так не розмовляв ні з ким...

Розповідав мені він про минулі,
тяжкі й суворі свої літа...
Про те, як рабства він позбувся,
Про те, як дівчину одну кохав...

Як він за батьківщиною сумує,
за прохолодним та легеньким вітерцем,
який тихесенько з твоїм волоссям грає...
За полотном своїм та олівцем...

Як він уперше ще навчився малювати,
вірші писати, риму правильну знайти...
І дорогих людей понад усе на світі цінувати...
Та все ж дитинство нелегке ще встиг пройти...

Піднявся він з землі, до мене озирнувся,
і я нарешті ось того хлопчину упізнав,
і він сказав мені тихенько: «Не хвилюйся...»
та у степи свої й лани попрямував.

Як зараз, згадую цей дивний, незабутній сон,
Цього приємного хлопчину, котрий сидів там
за вікном...
То був Тарас, що взяв мене у поетичний свій
полон,
Який і досі там милується зірками над
Дніпром...

Начальник отдела кадров университета

Родился в семье военного в Западной Белоруссии. По образованию юрист, подполковник милиции в отставке. Считает, что настоящая любовь к книге может быть только у тех людей, кто читал их в детстве отчаянно и запойно, забравшись с фонариком под одеяло, потому что невозможно было оторваться от историй героев Дюма, Твена, Купера, Каверина, Стругацких...

КОМАНДИРОВКА

Эта история приключилась со мной в 1995 году, в так называемые «лихие девяностые». Забегая вперед своего повествования скажу сразу, что как в те годы, так и сейчас к спиртному я относился и отношусь очень даже спокойно. Просто события и обстоятельства этой истории стали с ним связаны волею случая. В то время я проходил службу помощником следователя в одном из райотделов города. Два года срочной службы в армии и год в патрульно-постовой службе сделали из меня, студента-раздолбая, дисциплинированного и исполнительного сотрудника органов правопорядка. Начальство это ценило и поэтому направляло меня в разные командировки с целью ускорить окончания уголовных дел к очередному отчетному периоду. На подъем я был легок, доверие начальства ценил, службу любил, и поэтому исполнял поручения без нареканий. Особенность командировки, историю о которой я расскажу ниже, была для меня в том, что уехал я туда на четвертый день после своей свадьбы, и поэтому мотивация вернуться поскорее домой, была огромной.

В тот день вызвал меня к себе наш начальник следственного отдела.

— Ты, Роман, к нам же из Западной Украины сюда попал? — спросил начальник — и продолжил, не слушая моего ответа — поедешь на Родину, в Закарпатье, в командировку, дело арестантское, сроки горят! Мои возражения, что дети военных все гарнизоны службы своих родителей могут считать своим домом, что вообще я родился в Белоруссии и к Западной Украине, где в то время проходил военную службу мой отец, я имею весьма отдаленное отношение, в оправ-

дание веской причины отказа от командировки приняты не были. Ну что ж, служба есть служба, надо, значит надо, поедем! — решил я для себя.

Следователь Олег С. был примерно моим ровесником, и учеба на четвертом курсе юридической академии дала ему возможность получить назначение следователем в годы сумасшедшего некомплекта в милицеских подразделениях, и особенно в следствии.

Олег мне объяснил, что ему поручили вести дело с контролем прокурора района и сроки окончания дела максимально сжаты. Преступление заключалось в хищении танковых траков от памятника конструктору танка Т-34 Кошкину, которыми была выложена дорожка к самому памятнику и в преддверии пятидесятилетия Победы, которое должно было наступить через пять дней, это хищение может расцениваться как вандализм над памятником и зло срочно должно быть наказано! Кроме этого я узнал, что бандит арестован, находится в СИЗО, что сам он не местный, а из Закарпатья, с его слов ранее дважды судим. Никаких документов кроме справки об освобождении не имел, а дело заканчивать надо. Суть моего следственного задания сводилась к следующему: оформить в информационном центре УВД в Закарпатской области справку (в милицеском бланке она называлась «требование») о судимостях бандита, получить на руки в местном суде приговоров по предъявленным судимостям бандита, истребовать у местного нарколога и психиатра справки о нахождении на учете, получить характеристику с места жительства от местного участкового, допросить отца арестованного и наложить арест на имущество, если таковое вдруг имеется в селе Нижние Ворота Воловецкого района Закарпатской области. В общем, стандартный

набор документов, без которых уголовное дело не уйдет в суд. Для человека, мало-мальски знакомого с бюрократической процедурой получения за один день ответов на запросы в переписке между государственными учреждениями, выполнение моего задания за половину рабочего дня было мягко сказать, сильно критичным. Кроме общей бюрократической волокиты в подготовке ответов на переписку, которые могли готовиться и месяц, это объяснялось еще и тем, что приезжал я в Закарпатье в пятницу утром, рабочий день в государственных органах был «укороченным» до обеда в честь приближающегося 50-летия Дня Победы, впереди четыре дня выходных, и добираться из Ужгорода до поселка Воловец 100 км по трассе через горы! Но об этом я задумался уже позже...

Из Харькова в Закарпатье ходит прямой поезд «Харьков-Ужгород», и дорога до Ужгорода заняла у меня около полутора суток. Переночевав на вокзале я пошел встречать рассвет по улицам ночного Ужгорода. Климат в Закарпатье оказался теплее, чем на Харьковщине и в этом красивом старинном городе расцвели японские вишни сакуры, высаженные на центральных улицах. Лучи утреннего восходящего солнца сначала робко, а потом все смелее стали озарять розовые цветки распустившихся сакур, и, находясь в одиночестве на улице средневекового города со своей старинной, неповторимой архитектурой я понял, что даже только ради лицемерия такого чуда природы стоило сюда приехать! Это было потрясающее зрелище! Дождавшись начала рабочего дня в УВД в Закарпатской области, узнав где находится информационный центр я направился к его начальнику. Начальником оказался седой, как мне тогда казалось с высоты прожитых двадцати трех лет, пожилой полковник сорокапятилетнего возраста.

— Разрешите войти, товарищ полковник? — бодро спросил я и продолжил — следственный отдел город Харьков, необходимо срочно сделать спецпроверку о судимости на арестованного.

Полковник выслушал меня, изучил командировочное и служебное удостоверение, бланк требования о судимости.

— И что вас из самого Харькова за спецпроверкой к нам направили? — спросил полковник.

— Нет — отвечаю я — мне еще в Воловец и Нижние Ворота сегодня попасть надо — там документы собрать.

— Сами вы туда сегодня вряд ли доберетесь — ответил полковник — но я вам помогу. Я куратор одного из райотделов области, как раз еду туда на проверку перед праздниками, подвезу вас по трассе, а там вам еще километров семьдесят другой дорогой ехать придется.

В общем, большое человеческое спасибо полковнику, подвез, как и обещал, высадили меня на посту ГАИ с указанием посадить на следующую попутку. Так я проехал еще семьдесят ки-

лометров и снова был высажен на очередном посту ГАИ, так как мой путь опять менялся. Инспектор ГАИ, к которому я обратился, оказался суровым капитаном гренадерского вида, даже усы у него были закручены по гусарски, образ довершала длинная кожаная куртка с капитанскими погонами перехваченная белой португеей. Вообще-то такой формы одежды в милиции не было, но почему-то у сотрудников ГАИ в девятые считалось особым шиком носить черную кожаную куртку с погонами. На руке у капитана как символ дорожной власти висел полосатый жезл. Я объяснил коллеге, что приехал из Харькова в командировку и попросил посадить меня на машину в Воловец. Капитан предложил сначала зайти в магазин у дороги. Вариантов у меня не было, я согласился.

— Галю! — обратился капитан к продавщице — обміркуй для нас з колегою. З самого Харькова людина до нас завітаа!

Галю поставила на стол два граненых стакана и нарезала хлеб с салом. Я с ужасом смотрел на то, как уверенной Галиной рукой стаканы наполняются водкой.

— Ну, будьмо! — сказал капитан и чокнулся со мной.

Пришлось пригубить. Капитан выпил до дна. В остановленных им жигулях в Воловец ехала семья, после недолгого разговора с кожаным капитаном меня весьма радушно взяли подвезти. В моем распоряжении оставалось всего три часа рабочего времени. В общем, взяв ноги в руки, включив смекалку и максимальное обаяние я успел до обеда обегать все нужные инстанции и собрать необходимые документы. Оставалась поездка в Нижние Ворота, допрос отца арестованного. Назад до трассы пришлось идти уже пешком 12 километров по горной дороге. С утра, кроме глотка водки, маковой росинки во рту не было. Организм напомнил, что его надо кормить. В общем, иду по этим горам, чищу на ходу вареные яйца и думаю про себя «интересно, а в этих горах волки водятся? Вдруг нападут? Отбиться нечем...» Наверное, для волков я не представлял интереса, поэтому обошлось. Дохожу назад к посту ГАИ, уже смена другая. Прошу подбросить до Нижних Ворот. Мужики идут навстречу. Вообще-то в ГАИ всегда существовала корпоративная дружба помогать милиционерам других служб добираться к пункту назначения. В Нижних воротах я нашел дом, где проживал отец арестованного. Он был дома один. Пожилой уже дядька, возрастом далеко за шестьдесят лет.

— Ты хто? — спросил меня мужчина.

— Слідчий, з Харкова — ответил я.

— По Юрка? — спросил он снова — так його в дома не має — на заробітках.

— Вашого сина заарештовано, він зараз у слідчому ізоляторі у Харкові, а до Вас у мене є декілька запитань — ответил я.

— Ох, Юрко, Юрко, що ж ти знову натворив — расстроился отец — и махнув рукой жестом пригласил меня зайти в дом.

Домик был старый и запущенный, сразу было видно, что дед концы с концами еле сводит. Вкратце рассказав известные мне обстоятельства дела, непосредственно касавшиеся его сына, я достал бланк протокола допроса свидетеля. Заполнил анкетные данные и записав в него известные отцу и интересующие следствие обстоятельства из жизни сына, выслушал историю про хорошего хлопца, которого испортила плохая компания. Рассуждая о сложностях жизни я приступил к заполнению второго бланка — протокола о наложении ареста на имущество.

— Тут у Юрка нічого не має, а хата на мене записана — ответил дед, и полез в навесной шкафчик за документами.

— Ну, нет, так нет — ответил я. Хотелось уже побыстрее выбраться из этого дома, да и на улице уже начинало темнеть.

— Пригласите двух соседей, чтобы расписались понятными в протоколе — попросил я деда. Пока я записывал в протокол анкетные данные понятых, хозяин стал накрывать на стол. На столе появилась бутылка и «гранчики».

Глядя на уверенные жесты деда, я понял, что просто так мне из этого дома выйти не дадут. Спустя минут десять мне все-таки удалось покинуть этот дом, гостеприимный даже для такого незваного гостя как я.

Уже глубокой ночью я опять перекладными вернулся в Ужгород. Командировка завершилась, все задания выполнены. А вот купить билет на обратную дорогу в Харьков не смог. Со слов кассира все билеты перед праздниками были выкуплены. Предложила доехать до Львова, а уже оттуда покупать до Харькова. Делать нечего, поехал перекладными. Во Львове история повторилась — билетов не было. До Харькова можно было уехать только общим вагоном. «Ну, общим, так общим — думал я — главное, выбраться уже отсюда». Кто-нибудь из Вас ездил в общем вагоне из Карпат в начале мая? Настоятельно не рекомендую.

Вначале вагон был пустой, это даже радовало, кроме отсутствия постельного белья обычный плацкарт. Сутки можно перетерпеть. И тут, на одном из полустанков вагон стал заполняться какими-то людьми разного возраста и пола, которые деловито распахивали свои вещи по углам и занимали полки. У всех с собой был сельхозинвентарь. Оказывается, гуцульское село ехало на «заробітки» полоть буряки на Харьковщину. Расселись по четыре человека на нижних полках. Я лежал на верхней, и понимал, как только я встану, лишусь своего места. А вставать все равно надо, не будешь же голодный ехать сутки да и позывы к естественным надобностям дадут о себе знать.

Поезд тронулся и на столы стали выставляться бутылки, звучала говорливая гуцульская речь. Вся мужская половина вагона закурила. Пустые бутылки ставились под стол, их сменяли полные. Передвигались по вагону односельчане исключительно босиком. Откуда-то с соседнего места вдруг залихватски заиграла гармонь и тут весь вагон грохнул: Ку-куруку- ку-ку-ку! и дружные голоса подхватили веселую гуцульскую песню. В проходах начались пляски. Пролежав несколько часов на полке, слушая этот народный концерт я терпел до последнего природные позывы. Поняв, что больше уже нельзя, пришлось покинуть свое спальное место. Вернувшись обратно я увидел уютно расположившуюся на верхней полке молодую девицу, подложившую себе под голову мою куртку, чашка же моя, ранее стоявшая на столе, ходила по рукам в вагоне, и из нее уже пили. Веселье попутчики приглашали пить с ними. С удовольствием отказал, впереди была целая ночь дороги...

Когда я приехал в Харьков, моя молодая жена сказала:

— Я боялась, что ты не успеешь вернуться домой до конца праздников.

— Скучал сильно, пришлось все сделать быстро — ответил я.

— Тебе понравилось в Карпатах? — спросила она.

— Очень — ответил я — природа красивая, горы, леса, ручьи.

— Я тебе даже немного завидую — сказала она — в Карпаты, в начале мая! Надо было ехать с тобой!

— Я думаю, что ты много не потеряла — ответил я.

— Ты будешь пить чай? — спросила она.

— С большим удовольствием — ответил я — а то в последние дни мне все больше другие напитки предлагали....

Я не стал рассказывать жене о всех приключениях своей поездки. Ночью мне снилось, что мой начальник следственного отдела сидя в шлемофоне за штурвалом ночного бомбардировщика сквозь рокот моторов громко инструктирует меня о следственных действиях, которые мне надо будет провести, потому что меня забрасывают диверсантом во вражеский тыл с парашютом. Я прыгал затаенным, и после раскрытия купола мой парашют понесло на позиции противника, спускаясь ниже я разглядел кожаного капитана прохаживающегося под ручку со своей Галей, гостеприимного деда протягивающего мне «гранчики» и гуцулов, лихо пляшущих под веселые перекаты гармошки.

Проснулся я оттого, что жена трясла меня за плечо.

— Что с тобой? Ты кричал во сне! — спросила она.

— Да ничего, просто приснилось.... — ответил я.

Заведующая отделением восстановительного лечения Харьковской городской поликлиники №8, выпускница ХМИ

Серьезно масляной живописью я занимаюсь более 10 лет, хотя рисовала всегда. Детской мечтой было стать театральным художником-декоратором. Однако с подачи родителей поступила в медицинский университет и, окончив его, вот уже более 20 лет работаю врачом.

В каждой картине и картинке — частичка моей души. Я рисую то, что люблю, и люблю то, что рисую. Иногда, когда появляется вдохновение, пишу не только картины, но и стихи.

Ольга Прасол

ЗИМНЕЕ

Я жду весну: чтоб туфли, платья,
Под птичьи трели видеть сны,
И утра тихого объятья,
И травы, запахи, цветы...

Я лето жду, где россыпь гальки,
В прибрежных скалах плеск волны,
И горд южный... Ближний? Дальний?
И жар от каменной стены...

Рисую осень: дождь и слякоть,
Туман и красное вино...
И вдруг захочется заплакать,
О том, что было, но ушло...

Зимы не жду, она вернется
С холодным ветром во дворе,
Корицы запахом прольется
Стакан глинтвейна на столе.

С ногами в кресле, одеяло,
Огней рождественских игра,
И ночи длинные... Не знала —
Чем дольше жизнь, милей зима.

ПО ДОРОГАМ СТАРЫХ СКАЗОК

Крыш замшелых черепица
С отголосками веков,
И над озером клубится
Пена белых облаков.

Christmas Eve. Холст, масло

Кирх игольчатые шпильки
И брусчатка площадей
Помнят сказки все и были
И ушедших королей.

Замков охристые стены
И воды сквозная глать,
И лежит на всем поныне
Здесь истории печать.

Может, многое и в прошлом —
Бал за стрельчатым окном,
Но мелькнет пушистой кошкой
Шлейф принцессы за углом...

Кошкины домики. Холст, масло

Мечты

Узкие улочки,
Синие ставни,
Запах тимьяна
И старые камни...

Свежая булка,
Оливки, томаты,
Сыр, базилик
И над морем закаты...

Жаркое лето
И теплые зимы,
Пена морская,
Волною носима...

Ночью цикады,
А днем – крики чаек,
Лодки у пирса
Вода отражает...

Кофе наутро,
И падают низко
Цветков бугенвиллеи
Яркие брызги...

Может, этюдник,
И краски, и кисти

Скамейка. Холст, масло

Иль со стишком
Развернувшийся листик...

Может быть, вместе
Без масок, без грима...
Просто, светло...
Невозможно, ти крима*...

*ти крима (греч.) – как жаль

Ноябрь

Словно дно в колодце года,
Грязь и мусть там есть всегда.
Слякоть, мрачная погода,
Безнадежность ноября.

Отраженье неба в лужах,
Грусть и скука без помех...
С каждым годом дно все глубже,
Все труднее путь наверх...

Love lives. Холст, масло

Стамбул

На улицах старых распластанный зной,
Тень легкая кажется даром,
А звездное небо и тихий прибой –
За день отгоревшей наградой.

Здесь сказок восточных простые сюжеты
Мелькнут и рассеются вскоре, я знаю.
Здесь стрелами в небо летят минареты,
Его покрывало пронзая...

Босфором неспешно идут корабли,
И чайки кружат над базаром,
И воли лишают, стихая вдали,
Протяжные звуки азана...

Весна

Отмыта терраса от зимнего сна,
И настежь распахнуты двери.
Ну вот, дождались, наконец-то весна
Надежды и мысли согреет.

А утром туманы... Прозрачен апрель.
Под старой корявой сосною
Рисует поспешно весна акварель,
О чем так мечталось зимою...

На юге Швейцарии

Скрыто в тумане Лаго Маджоре,
Берег Италии тает вдали.
Дождь неотвязный, ну, здравствуй, бонжорно,
С тобой подружиться уже мы смогли.

Зонтики, плащики, мокрые улицы,
Фрески соборов, аркады, цветы...
Небо Тичино, ну что же ты хмуришься,
Ты ведь не спрячешь от нас красоты.

Знаю я точно: развеются тучи,
И вечером сидя с бокалом вина,
Мы улыбнемся велюровым кручам
И крышам Локарно в проеме окна.

Стамбул. Холст, масло

А в городе весна... Холст, масло

На юге Швейцарии. Холст, масло

Анна Целогородцева

Студентка 1 курса стоматологического факультета

Я родилась в городе Харькове. Всю жизнь я провела в этом городе, который очень люблю. Здесь я закончила общеобразовательную школу номер 126 и, решив, что хочу помогать людям, в 2017 году я поступила в ХНМУ.

На протяжении 9 лет я занималась в музыкальной школе по специальности фортепиано. Закончив школу с отличием, я увлеклась иностранными языками и литературным творчеством. На протяжении 3 лет я пишу стихи, хотя никогда бы не подумала, что у меня это получится. И еще у меня есть мечта — научиться рисовать, так как я обожаю живопись. Творчество всегда со мной, оно помогает мне в жизни.

Я напишу тебе письмо на память,
Чтоб вспомнил обо мне в последний раз.
В трехтысячных планетных параллелях,
Когда находимся с тобой сейчас.
Открой его, тихонько, нежно-нежно,
Как будто обнимаешь — зачитай
И вспомни, как любила прежде,
Как верила, молилась небесам.
Ты улыбнешься в середине текста,
Ведь там написано о нас двоих,
Когда Вселенная была надеждой,
Когда хранила сердце для двоих.
Прочти тот заголовок, где «любила»,
Найди ту строчку текста, где «ждала»,
Уверена, ты знаешь, как мне было,
Когда Вселенная упала, как гора..
Когда прочтёшь последнее «простила»,
Оставь его в шкатулке без ключа..
Ведь то, что так я полюбила,
Закрывать вовеки никому нельзя.

Там, где он, мое сердце разбито.
Там, где он, не поют соловьи.
Там, где он, сны и гордость забыты.
Там, где он, не сбывались мечты..

Там, где мы были вместе с тобою,
Там была бесконечная тьма...
Ведь в жестоких оковах безмолвных
Находился лишь ты, но не я.

Мне казалось, что верой и правдой
Я смогу удержать этот мир,
Но мечты — это просто лишь птица,
Не удержишь ее — улетит.

Я держала ее слишком долго
В очень сильных, но нежных руках,
Не подумав, что может быть больно,
Не подумав, что, может быть, зря?..

Там, где он, сны и гордость забыты.
Там, где он, не сбывались мечты...
Там, где он, мое сердце разбито.
Там, где он, не поют соловьи.

Я научилась ждать,
Не ожидая ничего.
Смотреть в твои глаза счастливым взглядом,
Мечтать о том, что ты в меня влюблён,
Мечтать о том, что будем вместе мы когда-то.
Пытаюсь я искать тебя в толпе.
Ведь сердце знает: нужен ты сейчас...
И дрожь проходит по моей щеке,
И я влюбляюсь в тебя в сотый раз.
Зачем мы познакомились тогда?
Зачем судьба свела нас воедино?
Я знаю, что случайность — это мгла.
Я просто знаю то, что ты, мой милый,
Не просто так сейчас стоишь со мной,
А я пытаюсь насладиться этим мигом...
Я верю в то, что подарил тебя мне Бог
Как часть ненужной ему эйфории.

Начальник Вычислительного центра
Харьковского национального медицинского университета

Родился в Харькове.
Детство, школа, юность, работа, учеба в институте,
Армия, работа, работа....РАБОТА!
К перу с молодости неравнодушен.
Писал праздничные сценарии, печатал публицистические статьи в газете «ДЕНЬ». Для себя и друзей. Было интересно.

Сергей Чернобай

РАЗНИКИ

Рассветы над планетой

Вставал рассвет над Леной. Пахло елью.
Простор адел, синел и верещал.
А крановщик Сысоев был с похмелья
И свои чувства матом выражал
Евгений Евтушенко

Вставал рассвет над Волгой. Пахло елью.
В степи кузнечик тихо верещал.
А бакенщик Маркелов был с похмелья.
И громким матом всё жену свою страшал.

Рассвет над Сеной. Запахи каштана.
И легкий ветер листьями шуршал.
И Пьер хмельной, хмельного встретив Жана,
Французским матом чувства выражал.

Рассвет над Темзой. Всё вокруг в тумане.
И дождь унылый льёт и льёт.
Разносчик Джон, с утра прилично пьяный,
Английским матом жизнь свою клянёт.

Рассвет над Хуан-Хе. Запахло чаем.
И пароходы вдалеке гудят.
И хунвэйбин в похмельи отчаянном
Китайский русским адресует мат.

Самара-Париж-Лондон-Пекин

Мысли вслух

А твоя рука течет вдоль тела,
Повторяя линию бедра.
И моя душа полна добра.
Ты, должно быть, этого хотела?
Константин Ваншенкин

Ах, какая женщина идёт!
Ах, какие ноги, шея, плечи.
Нос какой, какие губы, рот.
И глаза её горят, как свечи.

А какая линия бедра!
Грудь высокую цепочка украшает.
Свою душу, полную добра,
Отдал бы я ей. Да вот жена мешает.

О т и до

Сыр голландский, морс, олады.
Торт, как облак шоколадный.
В вазах россыпи конфет -
Девочке 16 лет
Владимир Черныш

Мамы грудь, сама в пелёнках.
Жизнь такая у ребёнка:
Спать, орать и снова есть -
Месяцев примерно в шесть.

Колбаса, сосиски, сыр,
Лимонад, потом пломбир.
И на всё готов ответ -
Девочке 16 лет.

Коньяк, цыплята табака,
Шампанское, пьяна слегка.
Дома муж, любовник есть -
Женщине уж 26.

Суп, лангет, картофель фри.
Дети выросли, смотри.
Дача есть, машины нет -
Женщине под 40 лет.

Каша, рыба и кефир,
Боль в желудке и клистир.
Зубы мяса не хотят-
Женщине за шестьдесят.

Водка, шпроты, колбаса.
У всех грустные глаза.
Каждый в чёрное одет -
Была бабушка... и нет.

Быть или не быть?

Друг молодости, инженер -
Работник института тары
(без вычетов сто сорок эр) —
Завёл при встрече тары-бары.
Станислав Куняев

Я вспомнил всех своих друзей,
Кто получал довольно мало
(плюс алименты на детей).
И думать стал, что с ними стало.

Друг молодости, инженер,
Теперь приёмщик стеклотары
(зарплата 340 эр).
Уж не заводит тары-бары.

Другой приятель, металлург,
Теперь работник пищесклада
(стал получать 500 рэ вдруг).
С ним тары-бары уж не нао.

А я? По прежнему поэт.
Мужчина вроде и не старый
(неполных 39 лет).
А всё пишу про тары-бары.

Пора опомниться давно.
Писать про тары-бары хватит.

А то за это вот ... ОНО
Мне что-то очень мало платят.

Какие люди?

Кто-то истину от пыли
Отряхнёт и громко скажет:
«Ах, какие люди были».
И рукой на нас покажет
Павел Сергеев

Жизнь — как пыльная дорога.
Все брели и я тянулся.
Продвигался понемногу
И случайно вдруг споткнулся.

Обо что я ножку трахнул,
И на пальцах мозоли?
Поглядел и даже ахнул —
Истина лежит в пыли.

Хуже нету недосмотра —
Потерять такой предмет.
Истина — и без присмотра!
Ничего страшнее нет!

Этак, кто захочет, сможет
Эту истину поднять!
И о ком не надо сможет
Что не надо написать!

Нет... Её отёр рукою,
Снёс в известный «комитет».
И теперь совсем спокоен.
Не было её... И нет!

Всех, кто «против», — вмиг осудим.
Все, кто «за», — лови награды!
Мы такие были... будем.
А рукой на нас не надо.

Врач-интерн ХНМУ

Литература — это неиссякаемый источник вдохновения и силы, помогающий жить, творить, любить и быть любимым. Это источник новых планов, идей и решений, порою маленьких, но значимых в жизни и творчестве.

Победитель II этапа Всеукраинской студенческой олимпиады по специальности «Стоматология» (УМСА, г. Полтава, 2017). Ведет активный образ жизни, много внимания уделяет занятиям по челюстно-лицевой хирургии.

Диана Яковлева

Когда достигают чорниці

За зорею, що стрілою сяє,
побреду, неначе тінь.
Розгорнулась льодовим розмаєм
синьо-срібна далечінь.
Б.-І. Антонич

Споконвічний Волинський край славився ягодами. Щедра поліська земля дарувала селянам ожину, чорницю, клюкву, лошину й усяку всячину, в залежності від сезону. Для багатьох людей це був звичайний промисел, але з року в рік він набував усе більших масштабів.

Ось і сьогодні жителі села Опішня збираються в далеку путь: ідуть в сосновий бір, що за криничкою, збирати чорницю. Це особливий день, адже лісничий на прохання селян виділив у вихідний суботній день вантажну машину. Люди заклопотано готують кухлики, миски, відра та інший посуд. Серед них є й діти. Наймолодша — Меланка, учениця другого класу, весела й працездатна дівчинка, вона підготувала банку й корзинку на ягоди.

О пів на шосту чуто голос «рушай» і гуркіт машин прорізує битий шлях. Ранкове повітря доскоче губи й розвіває білі косинці хустинок. Хтось зачинає пісню.

Тихо в лісі, де-не-де обізветься рябенький деркач, зацокотить вередлива сойка. Міднолике сонце підбилося високо-високо, лиш промінчики миготять поміж соснами, зігріваючи м'яку землю. Після дощу вона розбухла й па-

шла п'янкими ароматами. Дика зелена країна, прекрасна й непокірна у своїй величі.

Як маленькі пучківірні миготять в розмаїтому килимі сині краплинки чорниць. Повиті ранковими туманами, викупані в росі, спілі й пахучі. Вони здавалися Меланці химерними намистинками, що вместились на гіллі. Бодай з них лісові мешканці виготовляють чудернацькі прикраси: пацьорки, коралі й усілякі дрібушечки.

— Гей, Меланко, — кличуть дівчата, — Ходино сюди. Старий Шкурупій надібав розлогий чорничник. Тут яблуку ніде впасти.

Сивий дід весело гомонів, урочисто набиваючи люльку.

Меланка ревно збирала чорницю, вони були зовсім маленькі, дрібні й розсипалися поміж листям, вискакували з рук. То була виснажлива праця для малої дитини, зібрати принаймні літру чорниць. Молодиці підбадьорювали її та показували ще незаймані галявини.

Вже за чверть на п'яту вертають селяни з лісу. Меланка збрала баночку ягід та ще й у кошику зі жменьку буде. Жінки з відрами й бідонами сідали в грузовик, потомлені, але раді, що не треба йти додому пішки.

Міцна й лебела баба Оларка любила в дорозі теревені правити:

— Ось, Мотре, рум'яних пирогів напечу, варення й компотів зварю, вергачі загадаю добрі,

та й намистечко з сушених ягід можна приберегти на зиму.

— Голодній курці просо на думці, — сміється лід Шкурупії.

— А що, — не вгавала Одарка. — Як миша сита, то їй і борошно гірке.

Промайнули Підлісне, далі розкинулось білохате село Довжиця, мальовничі Герлиги й оновлена Яблунька. Рідне село здавалося наймилішим, заквітчаним у садах вишнями, родинним кубельцем. Усе тут було: ставок з жирними карасями, колосисте поле, розлогий ліс, а ще льонозавод та інкубатор. Опішнянці любили цю багату місцину, плекали й викохували рідну землю.

Біля будинку лісника чутно гамір. Селяни вже збиралися йти по домівках, як у вікні з'явився довірений. «Ягоди лісничому в знак подяки за машину, — вигукнув він. — По літру з кожного».

Люди не скупилися й мовчки відсипали один кілограм ягід, але восьмирічна Меланка тільки й мала, що літрову банку чорниць, тож коли дійшла до неї черга, на очах у дівчинки виступили сльози, а рученята геть змокли від переживань. «Не треба, — почувся голос позаду. Мовила одна з жінок. — В неї немає більше, то ж дитина, нехай це залишиться в неї. Вона трудилася цілісінкний день». Довірений глянув на знічену й перелякану дівчинку й повернувся до неї. Пом'якшав з виду. «Добре, — сказав. — Нехай буде так».

Заходило сонце, Меланка поспішала до хати. Кожного літа вона збирала ягоди, але цей випадок з даниною лісничому закарбувався в дитячій пам'яті на все життя.

Уривки з трилогії «Мій Шевченко»

Повернення

Світало. Одноманітні береги Волги спливали в ранкових туманах. Пронизливий вітер гнав їх ген за обрій і вони танули в сизій імлі. Орськ, Архангельськ, Самара, Симбірськ, Новгород... Дорога в Пальміру здавалася вічністю, а свобода — безплідною мрією. Минали будні, надходила осінь. Кобзар чекав заповітних листів. Листів, що ознаменують повернення до Санкт-Петербургу.

Тут, у Нижньому Новгороді поет багато читав. У щоденнику зауважив: «После десятилетнего поста я разом бросился на книги, объелся и теперь страдаю несварением в желудке». Особливо сподобались «Народні оповідання» Марка Вовчка, себто української Жорж Занд. Довго працював над повістю «Прогулка с удоволь-

ствием и не без морали». Планував надіслати цей твір Аксакову.

Шукав мальовничі краєвиди. То були переважно церкви, собори й монастирі. Виконував портрети на замовлення або в якості подарунку. Наразі бажав бути майстром гравюри в улюбленій академії-акватинті. Але про неї годі було й гадати, тішили спогади.

З нетерпінням чекав приїзду Шепкіна, Куліша й Лазаревського. Здавалося, тільки вони в змозі розважити його душу, розвіяти чорний попіл гірких спогадів.

Шепкін таки завітав на Різдво. Цей милий, добродушний товстун завше допомагав та підтримував Кобзаря. Любив чай з лимоном і теплу задушевну бесіду. Його світла щира посмішка бентежила душу, а «Москаль-Чарівник» заворожував глядачів. Тоді саме Тарас подарував другові «Неофіти» й автопортрет.

Усе це допомагало Шевченкові, як панацея, рятувало його від самотності, поневірянь і жорстоких випробувань долі. Надалі Лазаревський подарував термометр, а Сошальський — настінний годинник. Важливі й корисні речі.

У Москві поет несподівано захворів. Інфекція вразила око й нижню третину лоба. Лікар Ван-Путерен приписав англійську сіль, пластир, дієту, а згодом додав мінеральну воду. Робота не клеїлась. Знову розпука та відчай. Здавалося, улюблена акватинта додає сили, наснаги й віри в майбутнє. Але чому генії мають боротися за свою геніальність? Сльози в серці й «долгая дорога в дюнах». Сніг, дощ, спека й холод. Не годя спіткала його на засланні й опісля, але вона не вбила бажання писати, не вбила творчої руки.

Власне кажучи, Шевченка манила не Пальміра, а мистецтво, друзі, тихе, спокійне життя. Все те, що так важко здобути в сучасному світі. Все те, що ознаменує повернення...

— Шлях Шевченка з Орська до Санкт-Петербургу.

«Барвінок цвів і зеленів...»

Село! — і серце одпочине,

Село на нашій Україні —

Неначе писанка, село

Зеленим гаєм поросло.

Копиці сіна мурашниками грілися проти сонця. Кучерявий Вересень збирав осінні скарби: соковиті кавуни в зелених жупанах, медові дині й пахучі яблука. Самоцвітна роса лоскотала босі ноги...

На ганку художник помітив біляве хлоп'я в подертих штанях. Широка миска затуляла обличчя, і тільки очі промовляли: «Ось, умиватися, вода з криниці». Знайомий Яшка годував коней. Дужа й здорова дівка затята чистила цибулю, складаючи її в кошик. Червона хустинка

сягала носа. Пузата цибуля нагадувала сніжку так, що письменник постмодернізму сказав би, що вона зефірного кольору. «Підводна течія, — гаряче промовила стара жінка. — Кривавий піт розмальовує наші обличчя. Черствий хліб втішає знедолених». Засмучений погляд Шевченка ловив хлопчика, але він зник. Тільки бронзові сосни холодив буйнокрилий вітер.

Після дощу півбублик веселки блищав кольоровим віночком. Блакитне повітря дихало свіжістю. Ясночолла незнайомка йшла стежкою, миготіли гострі трикутники чобіток, довга чорна спідниця ховалася між березами. Вона любила природу, загадкова й звичайна княжна, чиста, ніби джерельна вода. Нещасливий шлюб, чоловік-деспот, фальшиве кохання... Райдушні мрії танули, як весняний сніг. Далеко в небі пропливали казкові перинки. Одна з них нагадувала бурундука, росла хмара й ріс бурундук, випинаючи хитру мордочку. Прихована краса доброти безсмертна. «Добрий день», — ледь чутно прошепотіли вуста. Шевченко йшов дерев'яними сходами, тамуючи дихання.

Кожен день пан влаштував бенкети. Обід готували на 50 душ, 100 панків збиралося на вечерю. Розбратом смерділо все: закіптюжені від тютюнового диму стіни, жирні наїдки, розбещені гості.

Дівча любе, чорнобриве

Несло з льоху пиво.

А я глянув, подивився —

Та аж похилився...

Кому воно пиво носити?

Чому босе ходить?..

Боже сильний! Твоя сила

Та тобі ж і шкодить.

Цей жорстокий грузин уже встиг відтоптати ярст і тепер купався в молоці.

Князь кричав «Ура!»,

Пив як із відра.

Кінська доза вишняка

За свиню і п'ятака.

Гумор завітав —

Мозок частував.

Дзвеніли миски, били ложки,

Немає спокою ні трошки.

Вони не бачили руїни

Святої неньки України.

Залізна маска Шевченка вражала гостей. Він знав Гюго, Байрона, Гейне та плекав рідне джерело культури, відчуваючи народне покликання. Енергетика слова — космос людської душі.

«Не гріє сонце на чужині...»

Ішов лапятий сніг, Петербург дримав у холодному кришталевому палаці. «О часи, о звичай!». Шукаєш притулку серед вируючого міста — знаходиш розпусту й розпач. Чужі люди, доленосні перипетії, загадковий світ. Усе це аналітична задача, яка не має розв'язку. Ти вразливий, покликаний Богом, співрозмовник ангела.

— Люблю балет, тонкое искусство, — зауважив Жуковський, виходячи з театру.

— О, не портите десерта капустой.

— Вы идеалист, Карл.

— Ничего подобного.

— Молодой Шевченко познает тайны профессии, не так ли, мой друг?

Глибоким, розумним поглядом Тарас пронизував співрозмовників. Дві особистості, що кардинально змінили його долю. Вони — набір відтінків, чиста історія; стукали каблуками поважні пані, емоційна нервовість відчувалась у кожному їх русі. Кривавість губ і антична блідість створювали похмурий пейзаж.

І день іде, і ніч іде.

І, голову схопивши в руки,

Дивуєшся, чому не йде

Апостол правди і науки?

Довго сперечалися Брюллов із Жуковським. Яскраві вогні холодили вулицю, знайомий парк рипів пухнастим сніжком, вітер вився гадюкою, хвилюючи кучугури. Людські тіні заповнили простір гірким соком реальності.

Корисливі пани:

— Мне нужен высокий процент полезного действия. Эти лентяи сведут меня со свету. Упрямы, нахалы. Одна лишь надежда на багашку Николая.

Світські жінки:

— Вчера была в гостях у Закревских. Аннушка снова крутится вокруг этого художника. До чего же странный человек. Холоп.

Страшно й лячно поету. Кутається в кожух, хрипить, поспішає, задихається... Жарти, лайки, вигуки, спутощення...

Чую, чую гидкий бруд,

Звідусіль він буде тут.

Гете, Данте, Беатріче,

Всесвіт знову мене кличе.

Не забракне в мене слів

Для поета вічних днів.

Розважливо й томно читав Шевченко свій новий твір — поему «Слепая». Догоряла свічка. Варвара тихо плакала. Особисте життя геніїв сповнене глибокого драматизму. Творчість — це те, що приносить душевний біль, та без чого не можеш жити.

Pooja Praharaj

Student of the 6 course, VI faculty for International Students

People find me to be an upbeat, self motivated, responsible, creative girl with excellent communication skills. Introducing myself: I am Pooja Praharaj, and would be fresh graduate of Kharkiv National Medical University for the year 2017–18. I am a dedicated person with family of four including my parents and a younger sibling.

6 years of constant hard work and dedication is going to make me a qualified undergraduate now. I love mostly focusing on paying attention to the development of my thinking manners so that I become quick in thinking and broad in knowledge.

Studying medicine has put me on cloud 9 as it made me achieve my goal of putting a prefix «Dr» to my name. My goal is still unsatiated, and I want to achieve much more in future; though not immediately but eventually. I want to be a well renowned academician and a doctor as well.

In addition I have developed hobbies like reading, music, social work, cooking and net surfing. 6 years of my journey in Ukraine has been engraved in my heart.

UKRAINE ! YOU ARE SUCH A BEAUTIFUL NATION !!!

In the midst of my life You brought a U-turn
When I was lost you showed me my destination
My 6 years journey has given me
enough satisfaction!!!
Oh Ukraine! You are God's beautiful creation.

Your population reflects signs of sincerity
To succeed in job we need integrity
You taught me to become independent &
Emphasized that females can also be dominant.

Your edu-system lessens the stress
I m happy I could avail this grace
It's an ode for you from my generation
Oh Ukraine! You are such a beautiful nation.

AN ANGEL !!!

In the midst of a dense dark forest
I was lost among the woods
Trying to find the way back home
The place where I had been...

Heard a sound from behind
Tried to seek aid,
It held my hand in pretentious way
Carried me some meters ahead
And started to roar
Oh god! It was a Tiger
I stared running back to my starting point.

Again I found someone from behind
Trying to drag me forward
Though scared, I started to move along
It dragged me in the same manner
I kept moving with some hope and fear
Suddenly I found the sound of a HISS
Oh No! It was a cobra
Tried to escape back from being the prey
I got hurt! Seriously hurt!
Fell down with a bleeding body and heart!

Years and months passed....

Found a ray of light
far from those dark woods
Tried to reach there
Will all struggle and hope to escape
There stood a heavenly object
It held my hands, dragged me up

Brought me back
to the place I always wanted to be.

Then one fine day he left.
I questioned God for who was he.
He silently replied, it was an angel
That I sent for you as you needed help.
It's time for you to stand alone,
to walk alone and to move on!!!

Four Options

Out of the four options she had
She chose the first
Not because the first impression last long
But because her heart and brain came along.

When she met the first one
She felt it to be the ideal one,
The match of emotions and treasures
The ongoing fun and pleasures.

All things were complement of one another
But he lacked good remuneration,
This created distance between each other
That made her to move further.

Age is not just a limitation
So she got the second option
Man with handful of money and association
But without real emotions.

She thought about this for a second
Though the mind was for a "yes"
Still the heart denied
And yet again she turned back.

Emotions are spontaneous
It flows anyhow of its own
She came across the third
Full of emotions,
But without life lessons.

It made her think for a while
But only emotions in life doesn't matter
A good comradeship has certain rules
and those who don't follow are absolute fools.

She moved on.

Here comes the last and the fourth one.
Man with glamour, emotions
Pocket and complementation,
A complete set of satiation.

Fortune makes you wiser,
Once you step ahead with lessons.
This time her mind was in total illusion
Full of dissatisfaction.
What should she choose,
Either "First" or the "Last"?

There came the final day
When she knew she was among one of the prey
She realized life can never give you satiation
It can never have perfections.
So she chose the first
and decided to stay with him till she breathes
her last.

CAN LOVE HAPPEN TWICE?

Yes, It can!!
With all sorts of hope he said
To the lovely sweet girl in front
Drops of tears rolled down her eyes
and she smile with immense comfort.

The question was bewildering
Puzzling and crisscrossing
Still he said with of confidence
For he had all sorts of patience.

Tomorrow she mightn't be his
She may not be with him with ease
But thinking about the present
Comforting her was the best present.

She was upset with her past
Broken and shaken by the hopeless dreams
Those dreams that never came true.
She asked with absolute innocence
"Can love happen twice?"
To which he answered
"Yes, it can!"

Образование
искусства, фото,
рукоделия

Magapu Veera Venkata Akhil

Student of the 4 course, VI faculty for International Students

I am a bibliophily and phytophilous. I took part in 15 international medical conferences. I am interested in spending my free time in hospice medical care centers.

Indian goddess of education

Princess Esmeralda

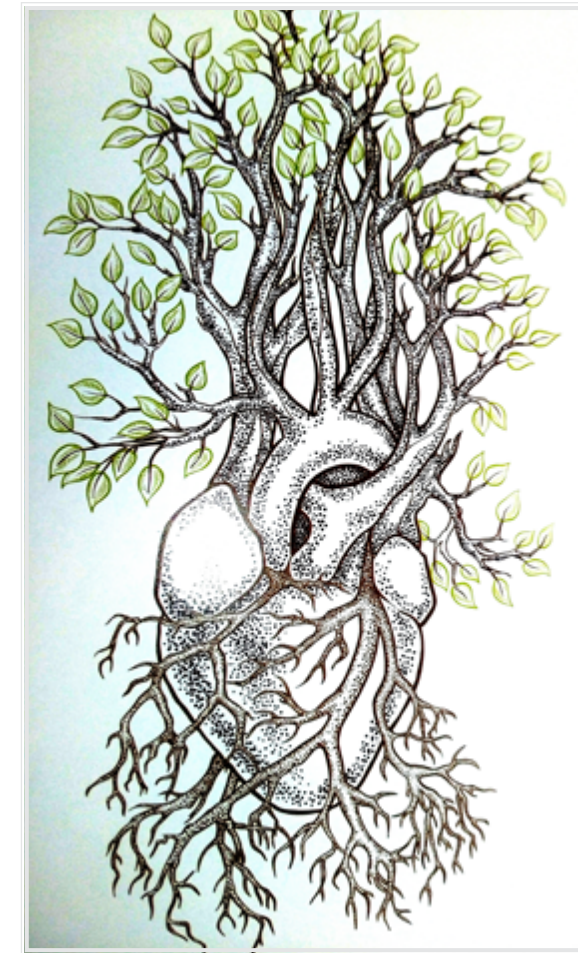

Princess Rapunzala

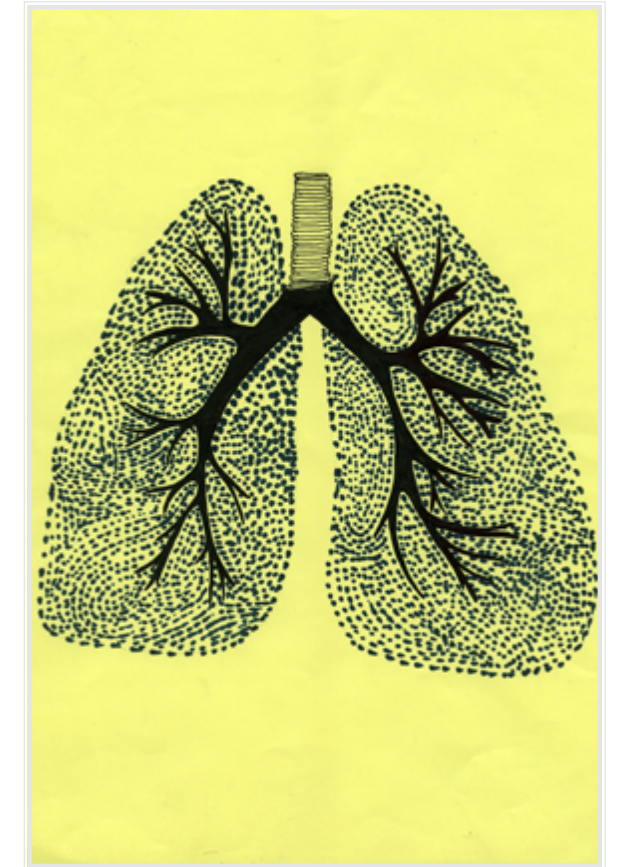

The golden heart

The pepal heart

Yarrow man's lungs

Урина Барабаш

Старший лаборант кафедры общественных наук

Родилась в Харькове, закончила ХНУ имени В.Н. Каразина по специальности «Экология и охрана окружающей среды», с 2014 года работаю в ХНМУ. Увлекаюсь психологией, эзотерикой, немного — компьютерной графикой. Люблю готовить, шить и вышивать. Занимаюсь фитнесом. Изучаю английский язык.

Закончила курсы комнатного цветоводства, курсы компьютерного дизайна, курсы флористики, более пяти лет работала дизайнером-флористом в творческой мастерской «Фея», участвовала в оформлении офисов, частных квартир и домов цветочными композициями.

Мое кредо: «Женщина создана для того, чтобы вносить мир, любовь и гармонию в окружающий ее мир».

Летняя композиция

Украинская семья

Пастушок

Сельская жизнь

Регіна Вороніна

Співробітник Наукової бібліотеки

Народилась, живе і працює в Харкові. Закінчила спеціалізовану школу №134 з поглибленим вивченням німецької мови. Починаючи з кінця 2014 року працює у відділі обслуговування науковою літературою Наукової бібліотеки ХНМУ. У 2015 р. закінчила Харківську державну академію культури за спеціальністю «Книгознавство, бібліотекознавство і бібліографія».

«Фотооб'єктив для мене як чарівна паличка: я творю власну магічну картину. Макрозіомка робить звичайні речі особливими, трансформує їх. Це можливість зробити мініатюрну деталь ключовою та найважливішою, тією самою, від якої буде залежати все...»

Адміністратор у відділі інформаційних технологій та комп'ютерного забезпечення Наукової бібліотеки

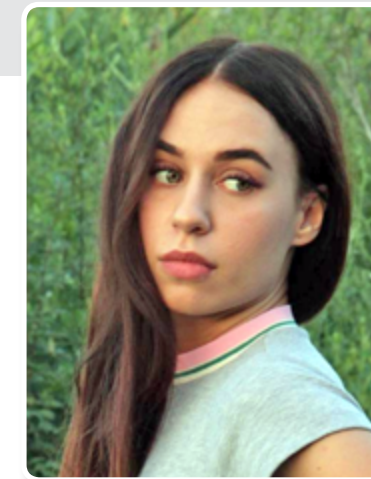
Закінчила магістратуру з прикладної лінгвістики філологічного факультету ХНУ ім. В.Н. Каразіна та бакалаврат з програмної інженерії факультету комп'ютерних наук ХНУРЕ.

Чим захоплююся? Багато чим. Люблю музику, читаю, малюю...

Насправді, я тільки вчуся живопису в «ART-street» студії під керівництвом художника, мистецтвознавця і викладача Алли Шляхової. Пензлик, фарби і полотно... і переді мною цілий світ мрій, фантазій або вподобань, цим світом я можу поділитись. Так каже мій учитель.

Щороку наприкінці весни Алла Шляхова з нами, своїми учнями, в інформаційно-виставковому центрі «Бузок» проводить підсумкову виставку робіт, які навіть можна придбати. Кошти йдуть на благодійні цілі, зокрема на підтримку реконструкції Харківського зоосаду, ГО «Безпека пішоходів і велосипедистів» та ін.

Моліна Гаєва

Рассвет в капле

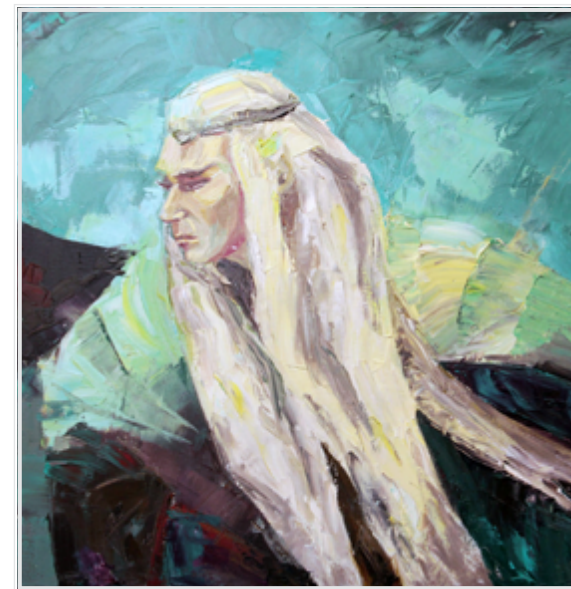

Мирабис

Желтое чудо

Лісових ельфів король. Холст, масло

Натюрморт, фрукти. Холст, масло

Матьяна Золотарева

Экономист планового отдела

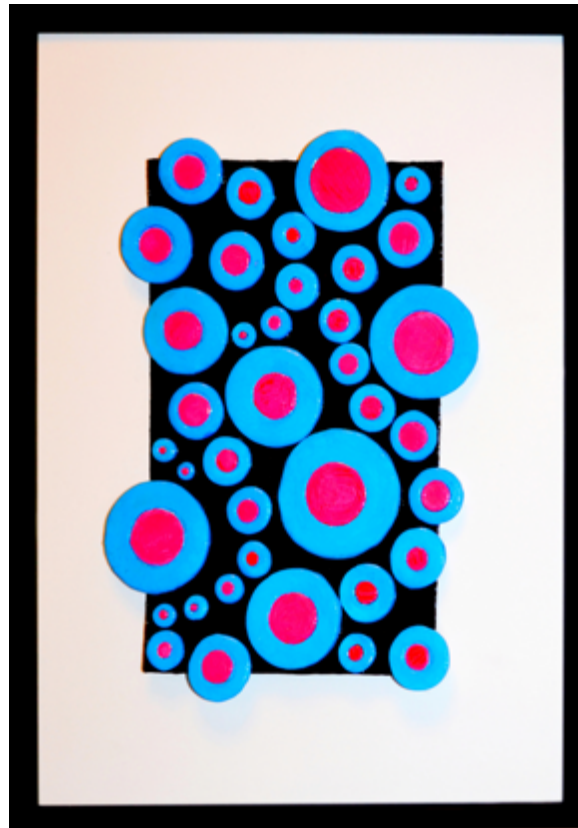
Бог слепил человека из глины, и остался у него неиспользованный кусок. «Что ещё слепить тебе?» — спросил Бог. «Слепи мне Счастье», — попросил человек. Ничего не ответил Бог и только положил человеку в ладонь оставшийся кусочек глины...

Не зря говорят, что изделия, сделанные своими руками, всегда ценятся больше. Ведь человек вкладывает в их создание свое время, душу, желание — то, что нельзя купить. Я не помню, как я пришла к тому, чтобы лепить из глины. Думаю, это она сама нашла меня и осталась в моей жизни. Я рада, что так случилось. Ведь в современном мире так много суеты и так мало вещей, который могут увлечь, вдохновить, подарить счастье. Я свое нашла. Или оно меня.

Город N (копия картины "Census" Thomas Fedro)

Осьминог

Под палящим солнцем Вьетнама

Город S (копия картины «Місто під дощем» Н. Томашевської)

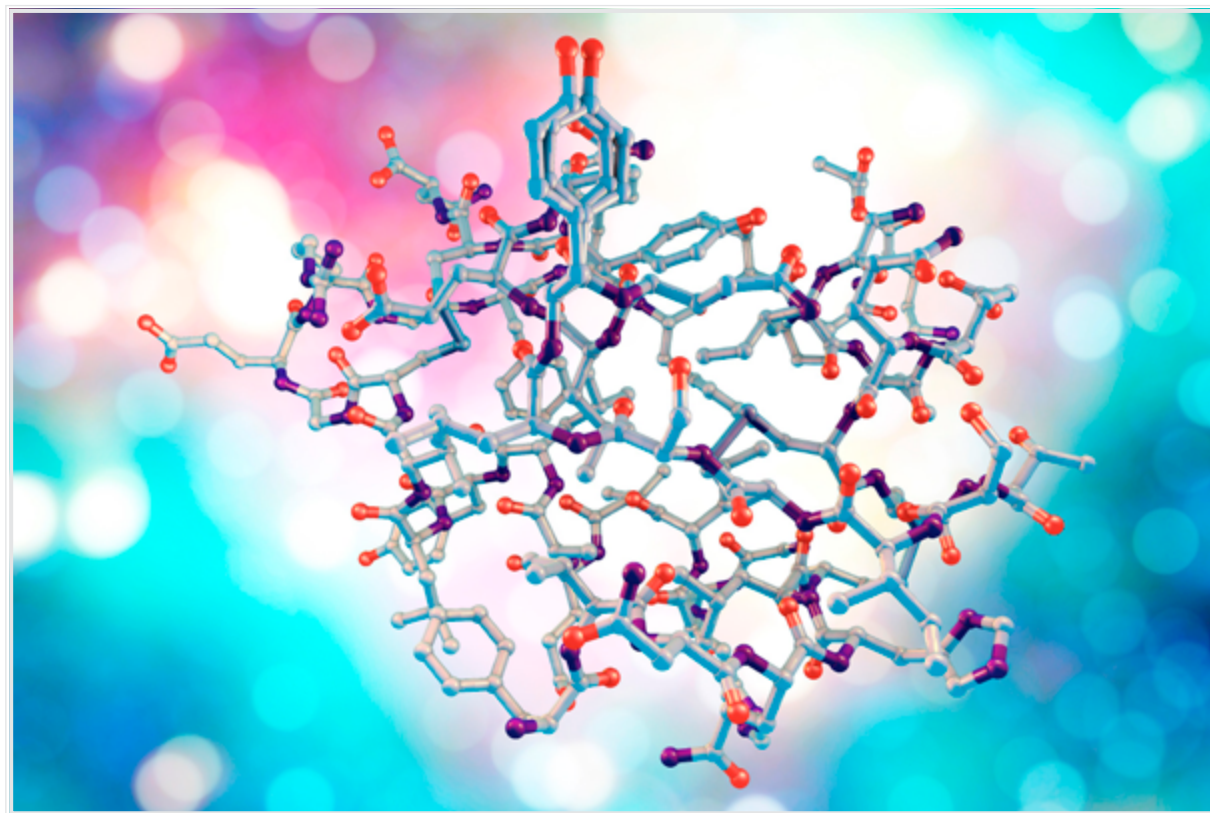
Випускниця медико-профілактичного факультету ХНМУ, кандидат медичних наук

Мене давно привертали барвисті тривимірні ілюстрації в іноземних підручниках, навчальних і наукових анімаціях, і я вирішила самостійно вивчити комп'ютерне 3D моделювання. Я закінчила кілька онлайн курсів по 3D технологіям і фотографії. Отримані знання я стала застосовувати до знайомого мені об'єкту - світу мікроорганізмів. Поступово мої роботи отримали популярність, і мене запросила як біомедичного художника англійська компанія Science Photo Library - одна з провідних світових компаній в галузі наукової фотографії та ілюстрації. Зараз я нерідко зустрічаю свої ілюстрації на обкладинках книг і журналів різних міжнародних видавництв, у науково-популярних сайтах, навчальних програмах, і мені подобається можливість поєднувати художні навички з отриманою медичною освітою. Перед підготовкою нової ілюстрації я вивчаю велику кількість наукової літератури та кожну свою роботу я намагаюся робити не тільки красивою, але і максимально точною з наукової точки зору.

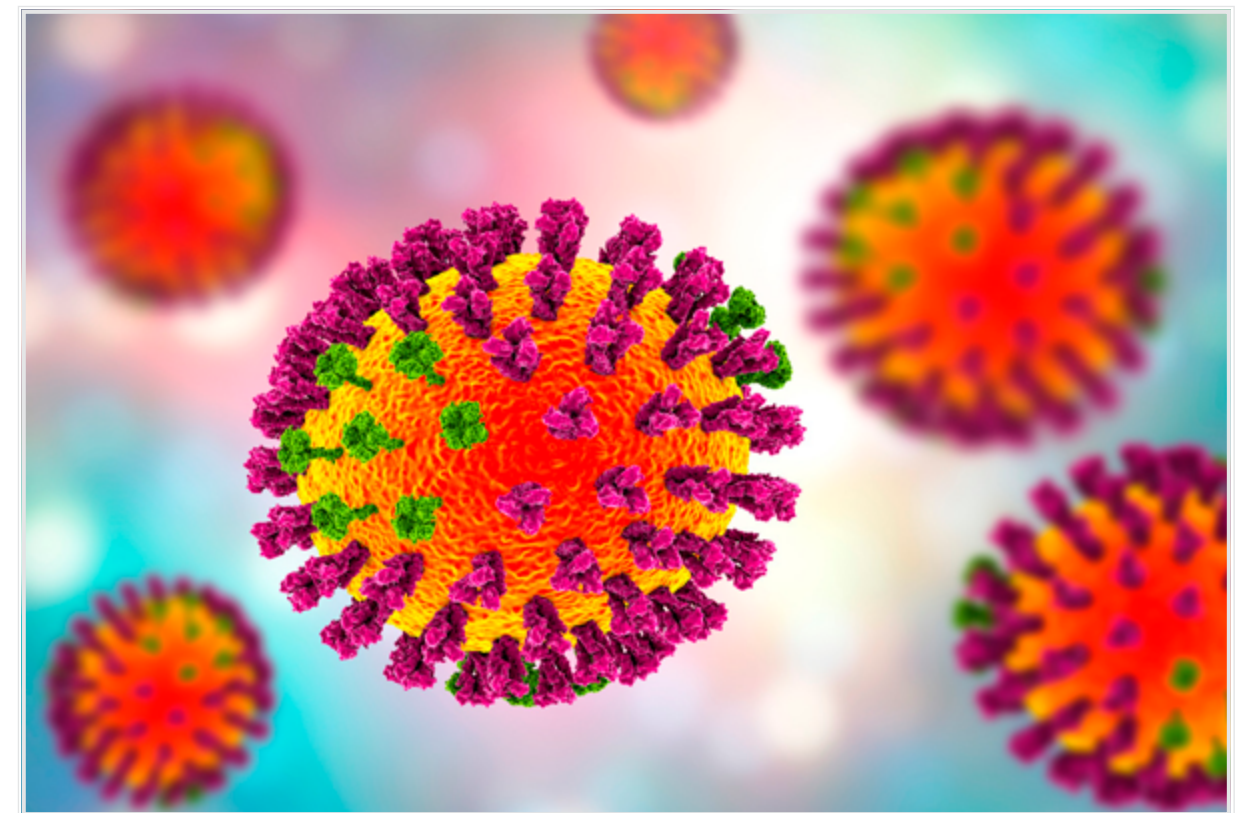

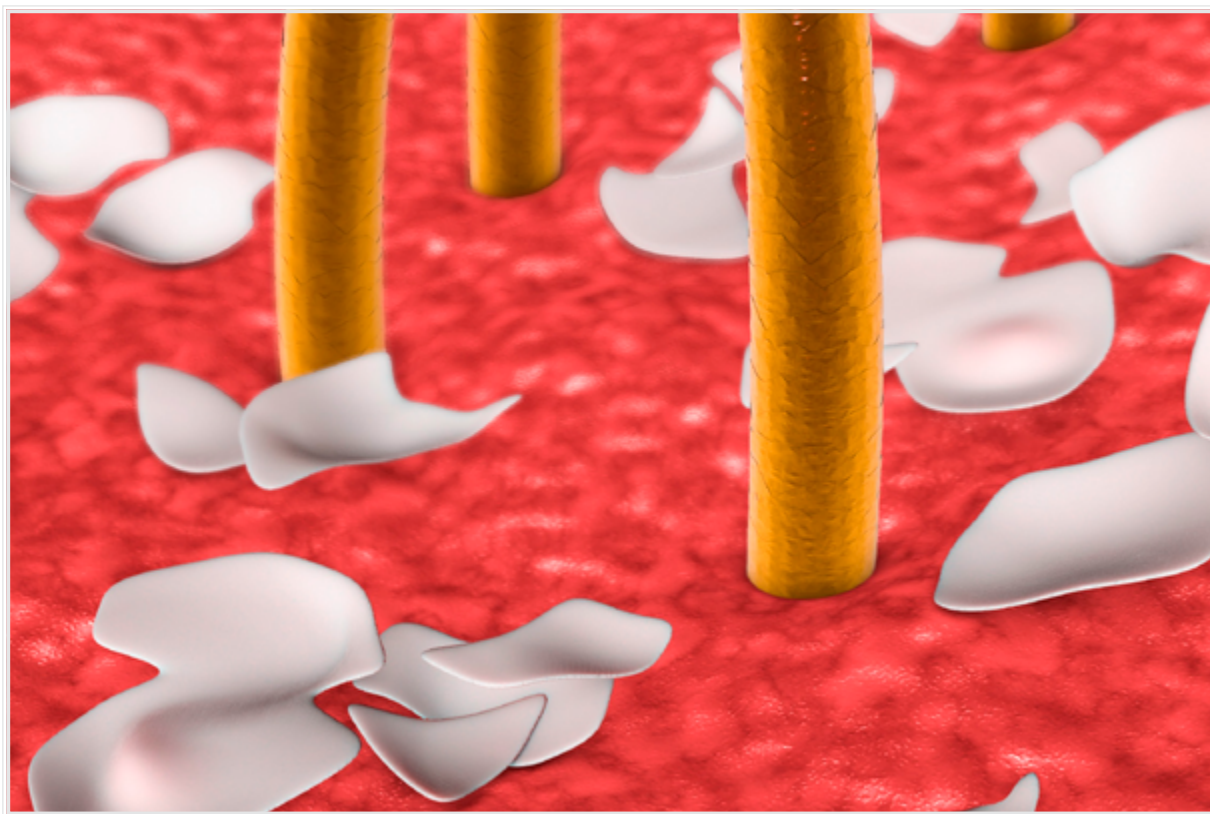
Bacillus

Insulin

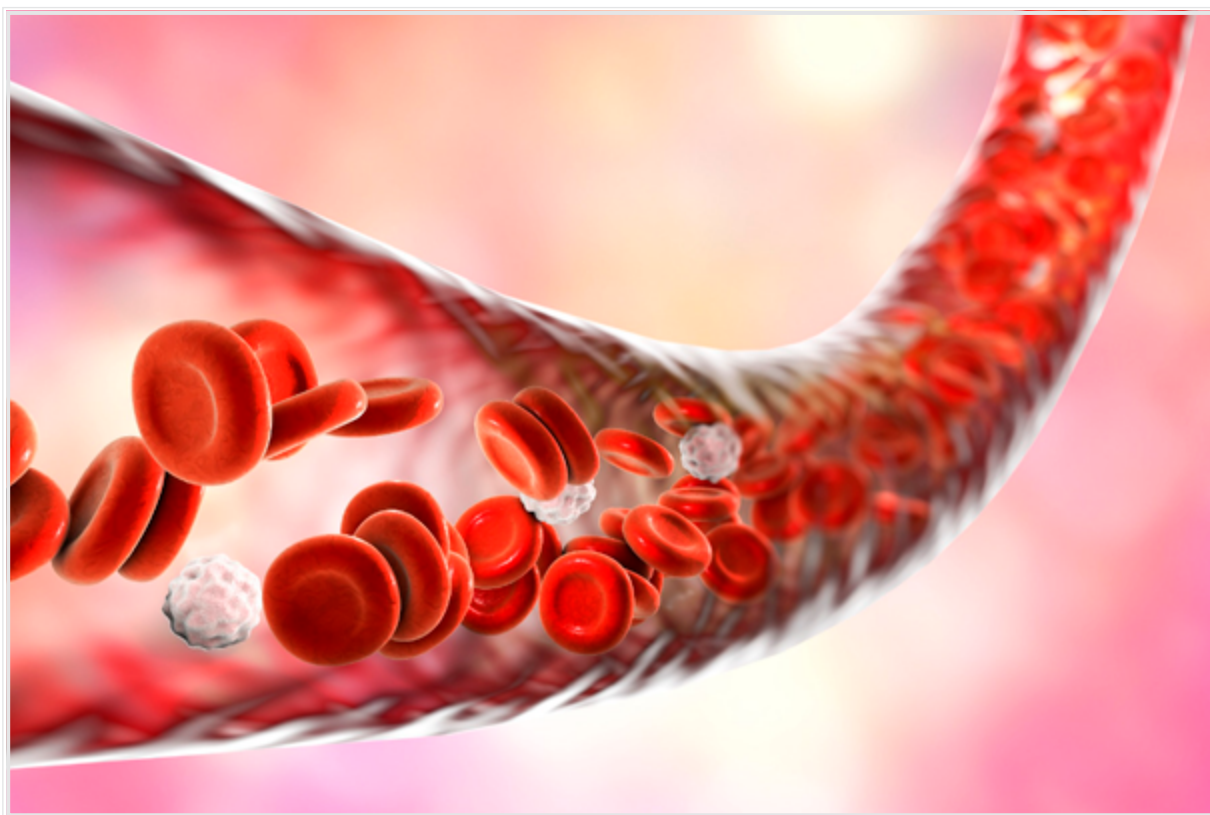
Influenza_Michigan

Dandruff

Blood_flow_tube

Студент I курса стоматологического факультета

Я родился в небольшом, относительно молодом промышленном городе Кривой Рог Днепропетровской области. Наверное поэтому я люблю путешествовать, знакомиться с историей и культурой других народов. Особенно мне нравится сравнивать архитектуру одних и тех же эпох в разных странах мира.

Летом 2017 года я со своей семьей ездил в тур по северным и центральным регионам Италии. Мы посетили Венецию, Флоренцию, Пизу, Рим, государство Ватикан, Болонью и Феррару. Фотографиями этих живописных городов я хочу поделиться с вами.

Александр Малоок

Будапешт в лучах заходящего солнца

В тени римских улиц

Они украшают засыпающий Будапешт

Будапештский парламент на берегу Дуная

Уютные венецианские улочки

Студентка 1 курса IV медицинского факультета

Анастасия Михайлова

Училась в детской художественной школе №2 им. Левченко. Участвую в очных и заочных конкурсах: «Американская фантастика: мечты и реальность», «Для Бога я создам лучшее», «Книга, рождающая мечту», а также в тематических выставках в Харьковском художественном музее и т.д.

Люблю рисовать портреты. В своих работах люблю показывать настроение человека, его эмоции. Хочу сделать этот мир чуточку красивее.

Пионы. Гелевая ручка, тушь. 2017

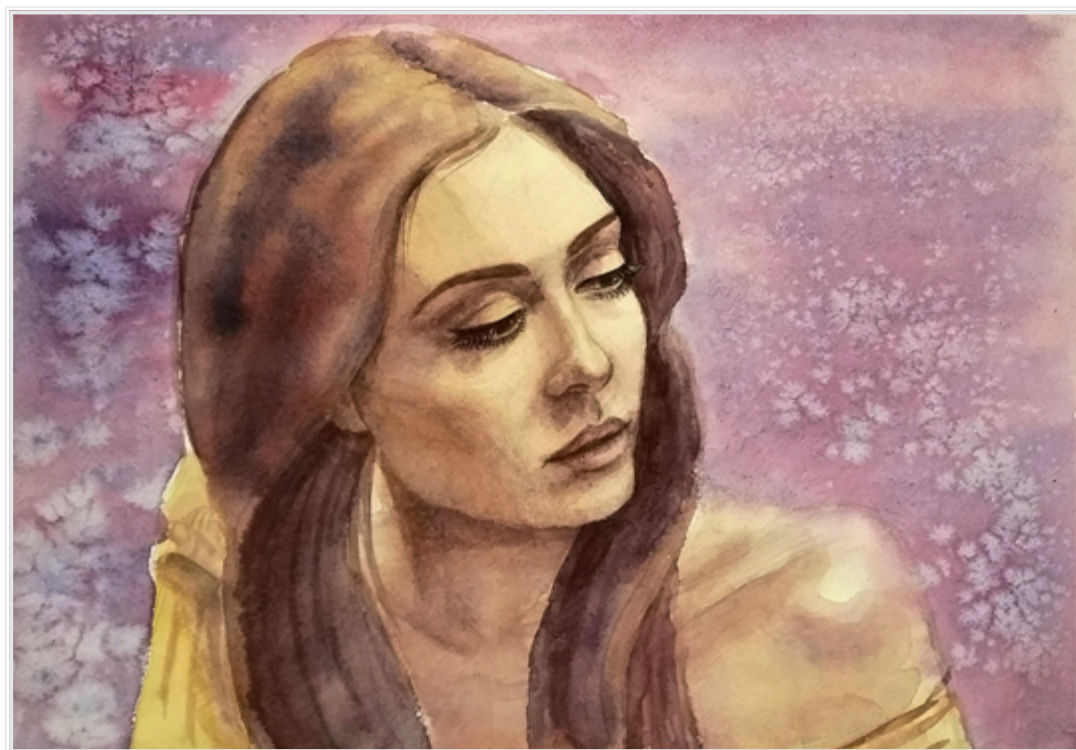

Женя. Гелевая ручка. 2017

Без названия. Акварель. 2017.

Без названия. Акварель. 2017

Студентка 2 курса III медицинского факультета

«Кто понял жизнь, тот больше не спешит,
Смакует каждый миг и наблюдает,
Как спит ребёнок, молится старик,
Как дождь идёт и как снежинки тают...»

Анастасия Нагорная

Поцелуй

Передача знаний

Утреннее мгновенье

Заместитель декана VII факультета по подготовке иностранных студентов, ассистент кафедры травматологии и ортопедии, кандидат медицинских наук

В школе увлекался фото, посещал кружок фотолюбителей при УПК от завода им. Малышева. Люблю найти в простом сюжете что-то сложное и не всегда сразу видимое.

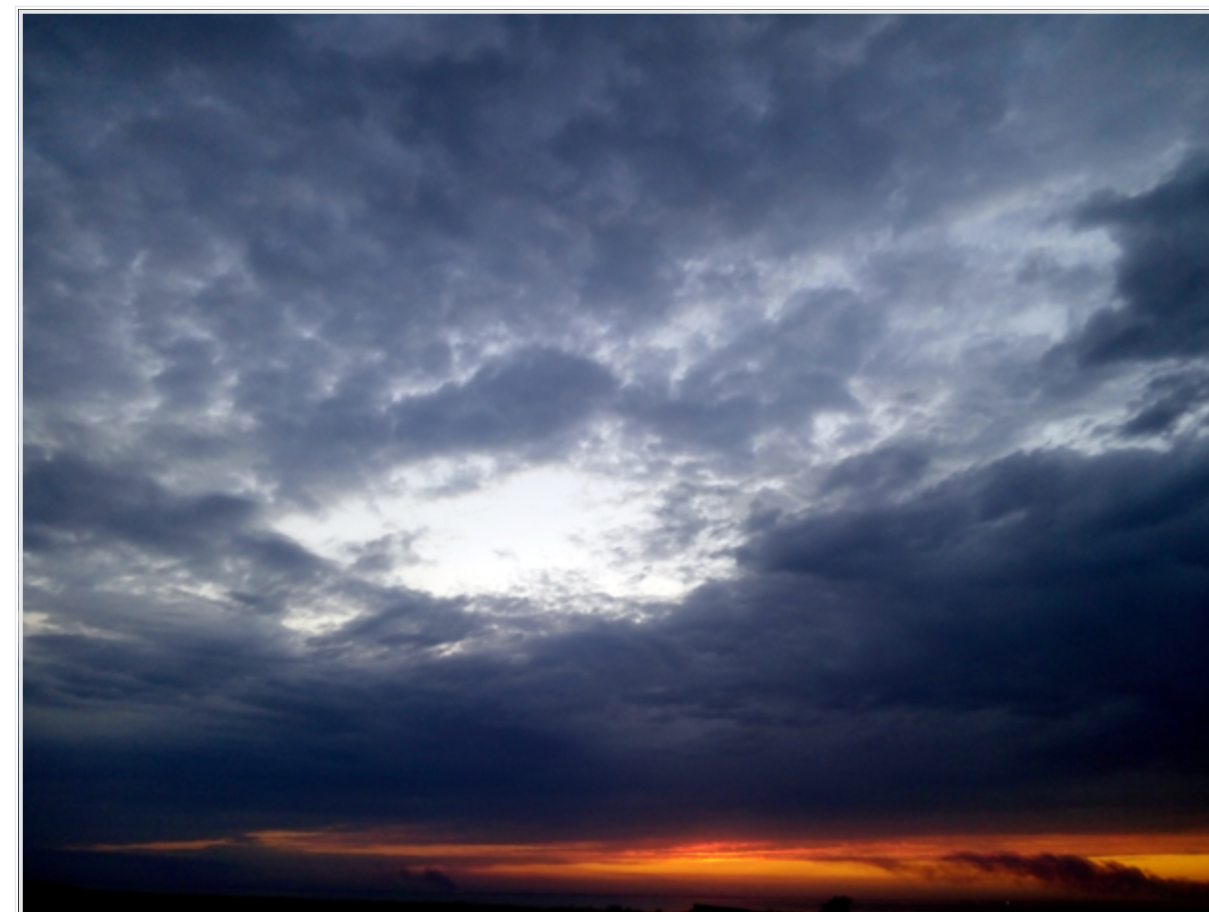
Антон Олейник

Холи

Вечер перед бурей

Київ перед дождем

Доцент кафедри терапевтичної стоматології, кандидат медичних наук

Краски художника, як риси обличчя, слідує за зміною його емоцій.

Елена Палий

Вечер у моря

Ранок. Холст, масло

Італія. Холст, масло

Ассистент кафедры радиологии
и радиационной медицины, кандидат
медицинских наук

Как и многие дети, увлекалась рисованием с детства. Посещала изостудию Харьковского дворца пионеров. С большой любовью вспоминаю свою преподавательницу Раису Ивановну — талантливую художницу, которая уделяла большое внимание раскрытию творческих способностей детей. В зрелом возрасте вернулась к живописи осознанно. Брала частные уроки академического рисунка и живописи, посещала изостудию в доме Народного творчества.

Самое большое удовольствие испытываю от творческой реализации задуманного: если получается работа, которая нравится окружающим и несет в мир добро и радость.

Весна. Холст, масло

Туман. Холст, масло

Еловые ветки, 2014. Акварель

Букет тюльпанов, 2016. Акварель

Черные тюльпаны, 2016. Акварель

Лупиниум, 2016. Акварель

Натюрморт с ракушками, 2015. Акварель

Осень в саду, 2017. Акварель

Врач-анестезиолог, выпускник ХМИ

Люблю путешествовать. Почему увлекся фотографией? Хочется такого общения с природой, чтобы у нее не оставалось следов от общения с нами, а у нас оставались и положительные впечатления, и хорошее настроение после общения с ней. А фотография позволяет нам вернуться в прошлое и пережить прекрасные моменты еще раз.

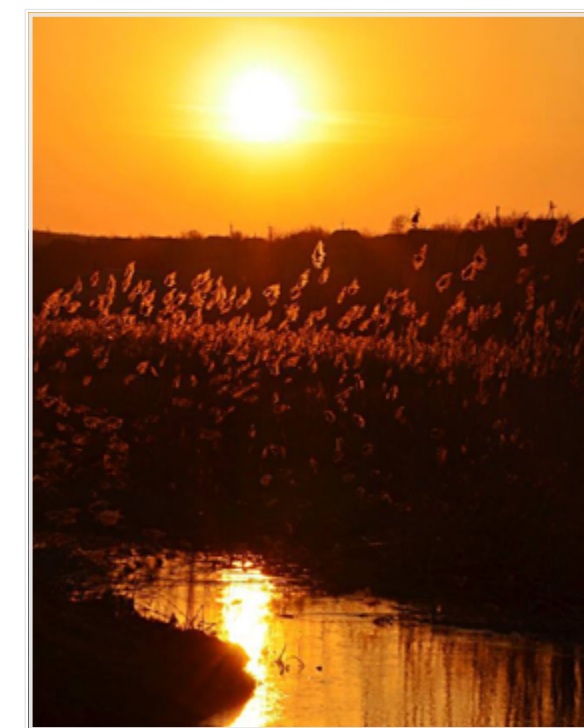
Андрей Соловей

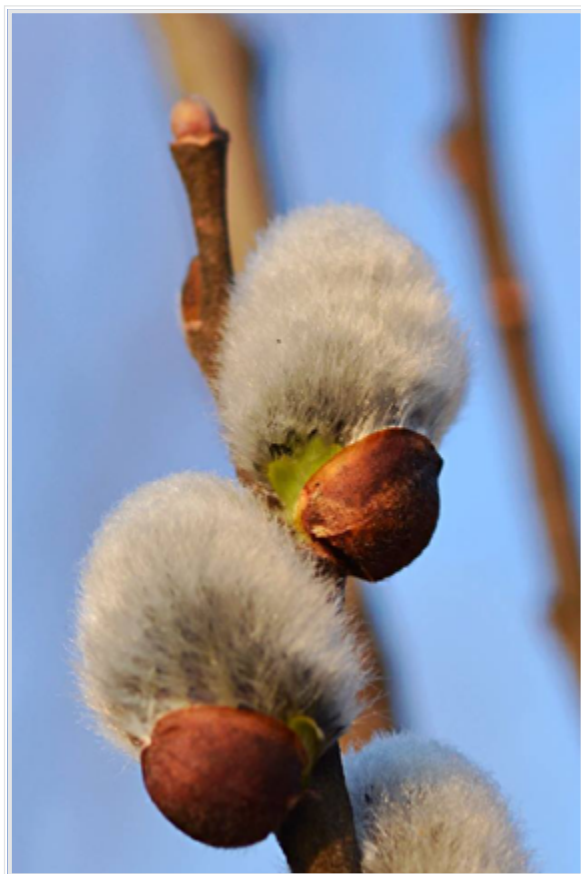

Вид в окне.
О работе не хотелось, но... 1-я операционная, серо целый день, и уже начинает темнеть

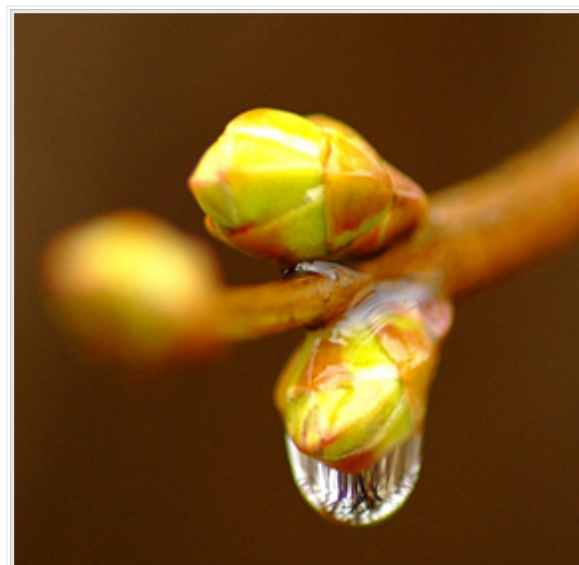
Зима казалась бесконечной, но снега и льда уже почти не осталось

Всякие пушистики

Оказалось, что белки не только были заняты своей осенней жизнью, но иногда и позировали, чуть-чуть

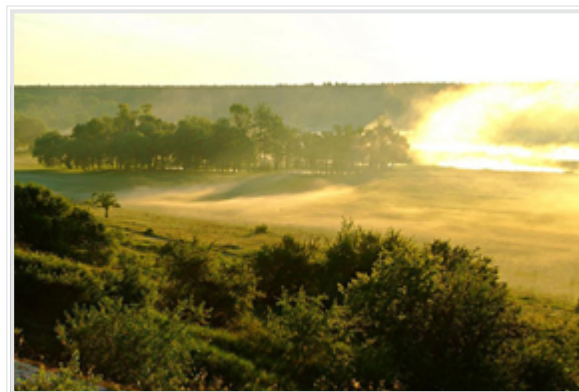

Воскресенье. Дождь. Новые проявления весны все же были

Понятно, что рыбаку пропустить такое утро просто невозможно

С туманом, который похож на прозрачное одеяло

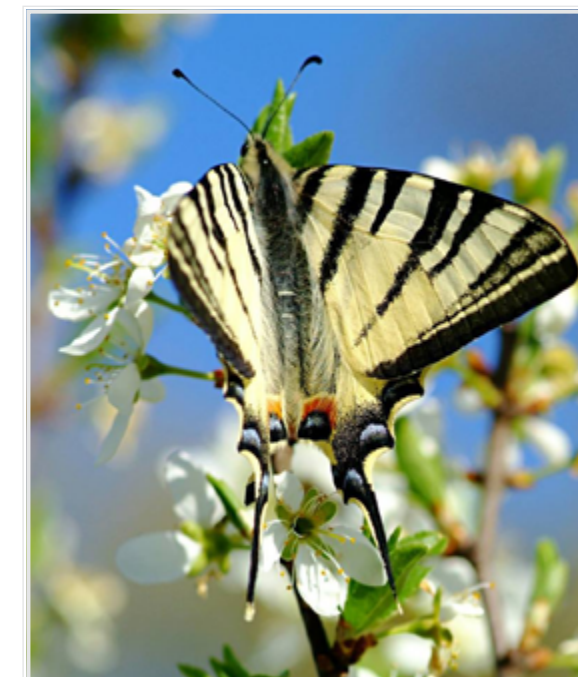
Снег и иней

Да, день уже заканчивается

Невероятное сочетание цветов

Приземлится на цветущий куст

Олия Фролова

Аспирант PhD кафедры терапевтической стоматологии

То, что осталось позади нас, и то, что ждет нас впереди, имеет очень малое значение в сравнении с тем, что находится у нас внутри.
Оливер Уэнделл Холмс

Австрийская деревушка. Акварель

Корабли. Холст, масло

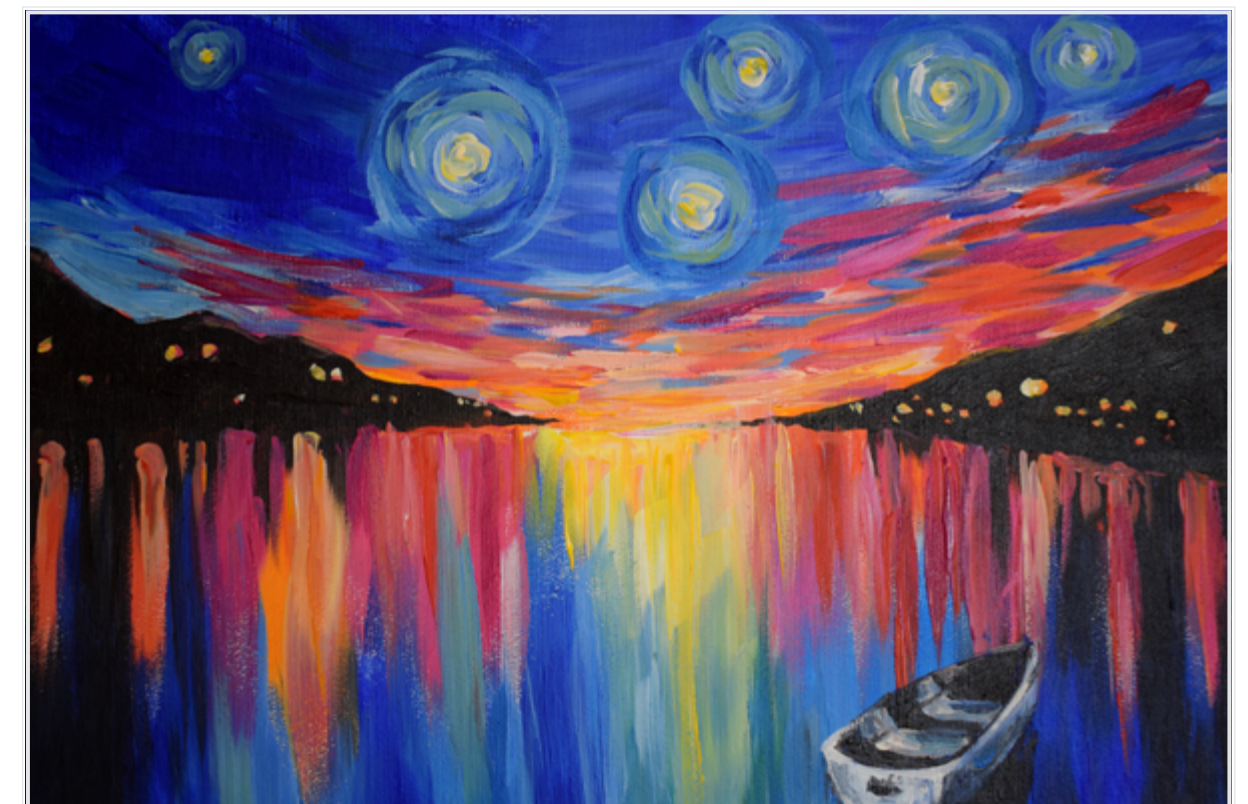
Клубника. Акварель

Фламинго. Акварель

Звездное небо. Холст, акрил

Юлия Черепинская

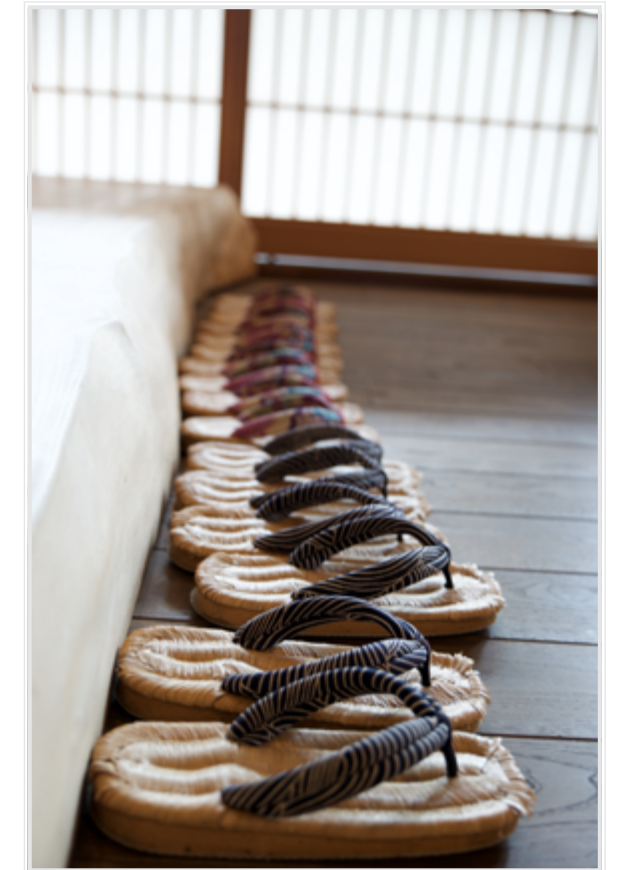
Ассистент кафедры терапевтической стоматологии, кандидат медицинских наук, магистр педагогики высшей школы

Для меня фотография — семейное хобби, которое передалось по наследству от бабушки и мамы. Они познакомили меня с кропотливым многоступенчатым «магическим» процессом превращения белого листа фотобумаги в изображение, и теперь я фотографирую с целью видеть глубже. Приглашение на международный конгресс по лазерной стоматологии в страну восходящего солнца осталось незабываемым по многим причинам. На страницах Альманаха хочу поделиться некоторыми фотографиями, которые я дополнила японскими поговорками и поговорками.

Бывает, что лист тонет, а камень плывет

Солнце не знает правых. Солнце не знает неправых. Солнце светит без цели кого-то согреть. Нашедший себя подобен солнцу

Счастье и несчастье переплетаются, как волокна верёвки

Холодный чай и холодный рис терпимы, но холодный взгляд и холодное слово невыносимы

Ani Sasi Shani

Student of the 6 course, VII faculty for International Studens

I love snapping impressive pictures. I cannot resist myself taking these beautiful views. These clicks are my memories from my lifetime, and it pushes me to take more. So my motive is to convey my happiness to this.

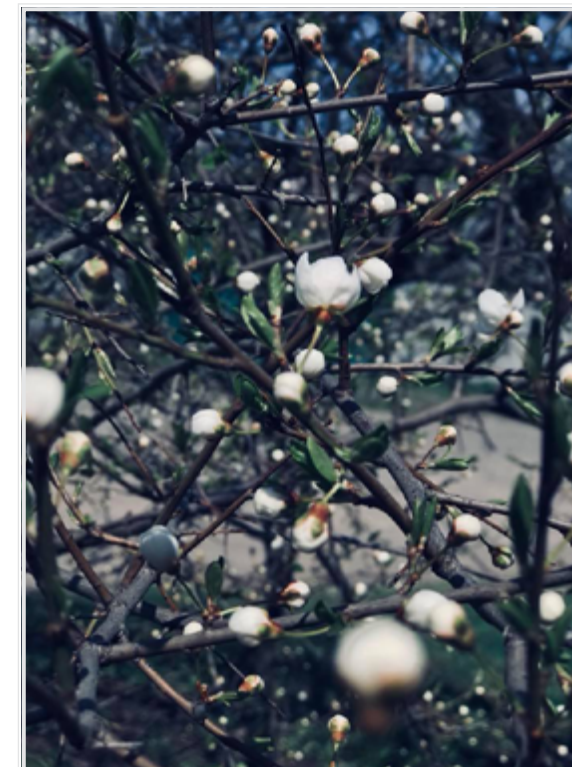
When the winter gets a sweet touch from the spring

The sun shines through my life, which makes me grow more

It's during our darkest moments that we must focus to see the light

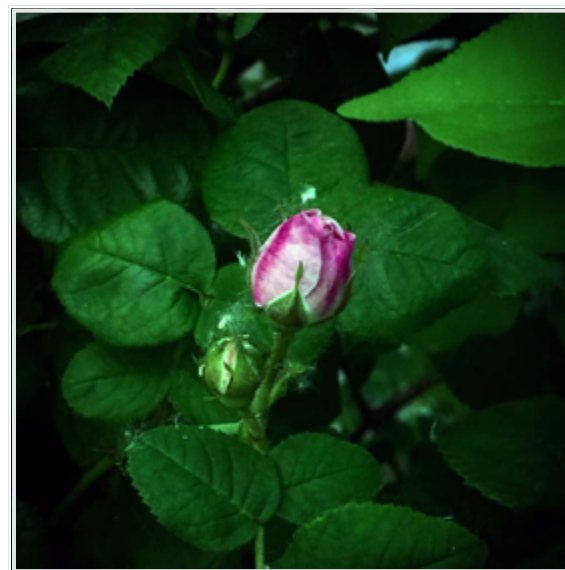

Spring brings smile

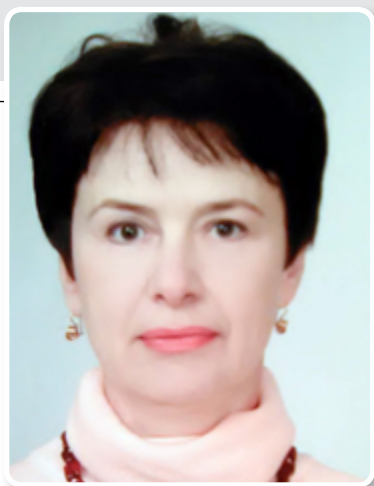
There is no rose without a thorn

It wipes out all the unhappiness

Снорагу.
Паи'амь

Воспоминания об отце Бобине Владимире Викторовиче

Тревожат душу воспоминания о папе. Добрый, отзывчивый друг, товарищ, он всегда умел поддержать, направить, утешить в трудные минуты. Его любовь защищала от невзгод, охраняла, давала силы жить. Я, дочь, и внуки, Виктория и Герман, были обласканы его любовью, вниманием, заботой.

Вот что написала внучка Виктория делу к юбилею:

«Хочу начать свое повествование об одном из лучших ученых нашей страны, талантливейшем преподавателе, семьянине и просто хорошем человеке Владимире Викторовиче Бобине. Научная жизнь нашего героя заслуживает не только уважения, но и благоговейного трепета, ведь на его счету около 500 научных работ, разноплановых и разносторонних. Но главное, что научная жизнь тесно переплеталась с жизнью обычного человека. Вот ведь как приходится тяжело ученым с мировым именем: нужно успеть прожить 2 жизни, и так, чтобы потом не было грустно за что-то неслеланное и стыдно за что-то сделанное».

Владимиру Викторовичу это удалось!!!

Он достиг действительно многого на профессиональном поприще, за что был награжден огромным числом наград. Научная деятельность Владимира Викторовича — это ведь не только написание научных работ на бумаге. Это кропотливая работа, иногда требующая огромных затрат времени и сил. Силы воли в том числе! Ведь какая нужна сила воли, чтобы летом в Крыму, сидя на балкончике и созерцая море, заниматься препарированием.... Или,

Выпускница ХМИ

Работала анестезиологом в ХНИОНХ, врачом-терапевтом в санатории-профилактории «Юрист» НЮУ им. Ярослава Мудрого.

сидя верхом на трупе слона, топориком препарировать его лицевой нерв. А проведение опытов на шимпанзе и осознание того, что все-таки Дарвин был в чем-то прав и они действительно похожи на людей (или это мы на них)? А после написания диссертации оказаться на больничной койке ГКБ №27 с инфарктом миокарда... И даже запрет врачей не остановил молодого ученого Бобина приостановить корректировку своей научной работы — из 2-х толстенных томов до приемлемого одного.

В.В. Бобин — великолепный и одаренный преподаватель. Память о его лекциях, которые он всегда читал без «бумажки», но с множеством иллюстраций и практических примеров, а также научных анекдотов, живет и поныне в умах и сердцах его бывших студентов.

Но...теперь пришла очередь приоткрыть некую завесу тайны над его «второй» жизнью — простого человека, который, несмотря на свои достижения, так же, как и все остальные смертные, стоял в очередях в магазинах, замерзал в зимние вечера на остановках в ожидании общественного транспорта, потел в автобусе летом, а осенью приходил домой с промокшими ногами, не забывая даже в ливень купить буханку хлеба. А в выходные дни помогал жене крутить котлеты на мясорубке.

Когда болели внуки, приносил интерферон, приводил на дом именитых врачей-педиатров, чтобы хоть как-то помочь любимой и единственной дочке.

Он — самый любимый и самый лучший дедушка!»

Для папы главными авторитетами в жизни были его отец Виктор Владимирович и дед Владимир Павлович Бобины. Папа рассказывал о В.П.Бобине, что он более 40 лет был заведующим амбулаторией и больницей Харьковского

Медицинского общества. Сам Владимир Павлович, живя в доме лечебницы по улице Пушкинской, 14, в любое время суток оказывал медицинскую помощь нуждающимся в ней. «Піти до Бобіна»-это означало получить не только врачебную помощь, но и нравственную поддержку и утешение. С квартирой по улице Пушкинской, 14 при больнице ХМО, а затем НИИ микробиологии имени И.И. Мечникова связано много лет жизни папы. Он родился в Харькове и в младенчестве жил там, впитывая дух и нравственные традиции настоящих врачей. Затем долгое время жил, учась в аспирантуре и работая на кафедре нормальной анатомии Харьковского медицинского института. В этом городе всю жизнь прожили его бабушка и тетя Вера, жена и дочь Владимира Павловича Бобина, сохраняя память о нем, его кристальной честности, справедливости, хранителе врачебной чести, примерном исполнителе врачебного долга, верного лучшим традициям врачебной общественной деятельности. Владимира Павловича называли в городе «врачом бедных», а среди врачей Харьковского Медицинского общества он пользовался репутацией выдающегося терапевта. В 1910–1912 годах В.П.Бобин возглавлял строительство Дворца медицины (ныне НИИ микробиологии имени И.И.Мечникова).

Папа всегда гордился своим дедом и очень хотел соответствовать его моральному облику. Ведь главными качествами человека в семье Бобиных были скромность, интеллигентность, ум, трудолюбие, уважение к людям, желание помочь больным, бедным и страждущим. Как пример, достойный подражания, папа привел речь деда В.П.Бобина в 1906 году на заседании Харьковского Медицинского общества, посвященном 25-летию его врачебной деятельности и избранию его почетным членом ХМО. В.П. Бобин говорил: «Я смотрю на настоящее чувство, как на общественное явление: я полагаю, что Медицинское Общество в лице моем видит лишь врача, прослужившего четверть века обществу, и желает показать своей оценкой его труда, что 25-летний врачебный труд есть тяжелый подвиг... На своем пути я встретил людей, которым обязан всем тем, чего я теперь достиг... Во главе Общества стояли лица такого высокого ума, нравственной чистоты, что мне, молодому врачу, не связанному никаким посторонним делом, не увлечься их примером и не отдаться всецело работе было бы непрослужившего. В этой работе только малая крупинка принадлежит мне, а вся тяжесть лежала и лежит на той коллегии, которая, меняясь в лицах, не меняет своих традиций, своих идеалов...»

Быть похожим на отца Виктора для папы было смыслом жизни. С какой гордостью он на-

писал письмо маме в Симферополь о том, что он, как и отец, выступает со своим оригинальным докладом на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Москве в 1964 году.

А еще в моей памяти остались летние месяцы, большую часть которых папа проводил, вычитывая и дописывая, а иногда и переделывая полностью диссертации некоторых аспирантов. Более 20 аспирантов ждали от папы трудоемкой, неблагодарной работы по доведению диссертации до идеального состояния. Все аспиранты были как бы членами семьи, папа их кормил, заботился об их здоровье и быте, «как отец родной». Позже, отдыхая у нас на даче под Харьковом, очень любил купаться в пруду, с удовольствием составляя компанию внукам. Вспоминая веселое время на даче, думаю, что он своей интеллигентностью и добрым нравом, оптимизмом и желанием помочь положительно влиял на формирование характера у внуков и на атмосферу доброжелательности в семье. Все вместе собирали огромное количество яблок на даче, с трудом готовили из них варенье, сушили на солнце, делали соки. Папа с удовольствием принимал участие в сборе винограда и его переработке. Правда, с ностальгией вспоминал сбор персиков в саду у родителей в Симферополе. Вообще, папа очень любил море, вспоминал часто поездки к родителям, их совместные путешествия на море. Но потом очень полюбил природу Харькова, часто бывал в санаториях «Берминводы» и «Рошча», брал с собой внуков, где они делали много интересных дел: ходили в походы, катались на лодке, разгадывали кроссворды, принимали оздоровительные процедуры, купались в озере. Однажды даже посетили археологические раскопки. Папа очень любил археологию, часто рассказывал об археологических экспедициях, в которых он участвовал с отцом Виктором Владимировичем. Не удивительно, что самой любимой темой лекций было «Происхождение человека».

А вот что вспоминает Измайлова Луиза Васильевна, доцент кафедры нормальной анатомии, кандидат медицинских наук: «Владимир Викторович мастерски и артистично читал лекции. Говорил образно, точно. Речь его была красивой, выразительной. Во время лекций он рисовал цветными мелками на черной доске с большим искусством. Владимир Викторович постоянно изучал новейшие методики изготовления анатомических препаратов, муляжей, моделей. Он сумел объединить весь коллектив кафедры широкой общей тематикой — морфологическими исследованиями нервной системы и периферических сосудов. Владимир Викторович был ученым, который прославил нашу анатомическую школу не только в бывшем Союзе, но и за рубежом.

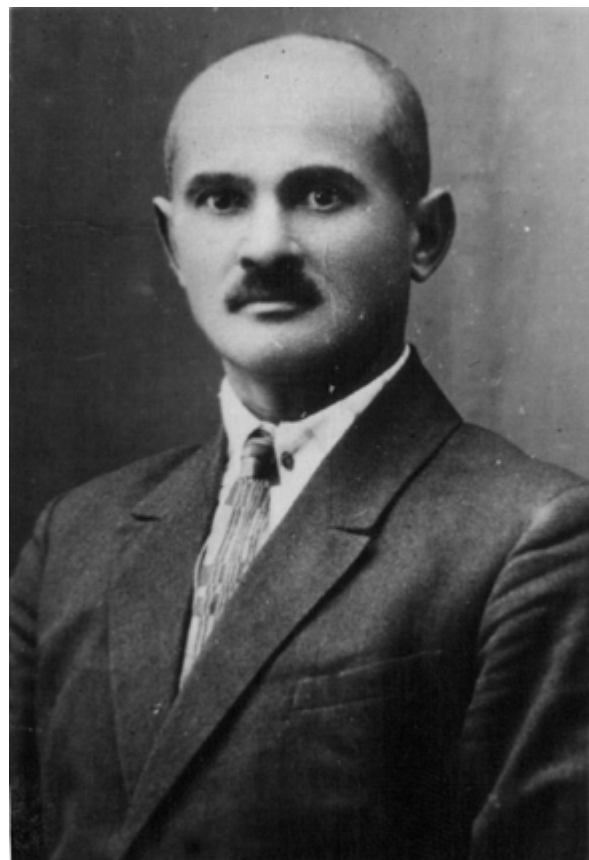
Доцент кафедры детской хирургии
и детской анестезиологии, кандидат
медицинских наук

Козьма Потапович Цехмистро — этого человека сейчас помнят немногие в Чугуеве. В двадцатые, тридцатые, сороковые, пятидесятые, шестидесятые годы это имя было широко известно и произносилось с уважением. Трудовой медицинский стаж Козьмы Потаповича, моего деда, составлял 65 лет. Мало кому выпадала возможность столько успешно работать в одной специальности. Когда мы с дедом шли по улице, многие с ним почтительно здоровались и даже в знак особого уважения некоторые снимали шапки. Совсем как в кинофильмах о старинных временах такое делали перед баринном. Мне, подростку, это нравилось, я испытывал гордость за него. Наверное, на уровне подсознания явные знаки уважения к врачу повлияли на выбор мною врачебной профессии.

Страницы жизни чугуевского доктора

Дед прожил долгую трудовую жизнь, думаю, что служил медицине по призванию, занимаясь любимым и очень ответственным делом — счастливая мужская судьба.

Сын крестьянина, православный, он родился 1 ноября 1882 года в селе Карловка Полтавской губернии. Среднее медицинское образование получил в четырехгодичной Курской земской фельдшерской школе, которую окончил с отличием в 1900 году. Высшее образование по специальности «лечебное дело» приобрел в первом Харьковском медицинском институте, его окончил с отличием в 1931 году. В качестве фельдшера работал в Курской губернской больнице, Люботинской железнодорожной больнице, на постройке железной дороги Псков — Полоцк по мобилизации. Демобилизовавшись, приехал в Чугуев, где постоянно работал с 1918 года на разных медицинских должностях, в том числе на должности зав. районного отдела по охране материнства и детства, руководил отделом по борьбе с эпидемией холеры в 1921 году, почти до начала войны работал в хирургическом отделении районной больницы. Кроме этого, вел прием, выезжал на срочные вызовы, лечил детей и взрослых, принимал роды, делал хирургические операции, преподавал в медицинском училище будущим меди-

Козьма Потапович Цехмистро
(фото 1940 года)

цинским сестрам. По специфике работы был практически земским врачом, настоящим подвижником в Чеховском и Вересаевском понимании этого слова, хотя в те годы земства как такового уже не было.

Земство, созданное еще в 1864 году, сыграло большую положительную роль, особенно в народном образовании и организации медицины для народа. Советская власть такой институт разрушила как пережиток прошлого, в новые времена народное самоуправление было ни к чему. Сейчас в Украине медицина реформируется, воссоздается что — то похожее в виде семейной медицины.

Как раз в 1918 году в Чугуев перебралась студентка высших женских медицинских курсов Надежда Вячеславовна Орешникова, уехав из революционной Москвы от голода и красного террора в Украину. Козьма Потапович заметил красивую нездешнюю девушку, в 20-м году образовалась новая семья, спустя 2 года родилась моя будущая мама Ирина, и наш род продолжился.

Надо сказать, что в нашей семье на сегодняшний день доктора составляют подавляющее большинство, есть и профессора, а уж кандидаты наук почти все — дед задал тон.

Дед как врач, наиболее близко общавшийся с людьми, сполна познал ужасы голодомора начала тридцатых годов, свирепствующего с особой жестокостью в селах Харьковской области, в том числе в Чугуевском районе. Вымирили целые села, на улицах лежали трупы людей. Насколько позволяли возможности, медики пытались хоть чем — то помочь. Помню рассказы деда о том, что по улицам села очень не рекомендовалось ходить в одиночку, бывали случаи людоедства, он это видел сам и не однажды. Семья врача с трудом выжила в лихолетье. Помню разговоры бабушки. Она считала, что Сталин не любил Украину, украинцев и умышленно организовал голод, погубивший массу жизней. Это ее личное мнение. Как и кто погибших считал — «статыстка!» Я читал, что довоенная перепись населения страны показала масштаб людских потерь. Ее результаты засекретили. Руководителей переписи на всякий случай расстреляли. Такие были времена! Не могу об этом говорить спокойно! Что за злой рок, что за проклятие над нашей страной, нашим народом!

Ценой огромных усилий и жертв, страха жизнь к началу сороковых в какой — то степени стала налаживаться — «жить стало лучше, жить стало веселее».

Судьба уготовила новое страшное испытание — грянула война. Объявлена всеобщая мобилизация. 30 июля 1941 года доктор Цехмистро был освобожден от должности заведую-

щего терапевтическим и инфекционным отделением Чугуевской районной больницы и призван в ряды РККА с назначением заведующим четвертым отделением Чугуевского хирургического военного госпиталя (на 120 коек), хотя по возрасту уже не подлежал мобилизации. После эвакуации госпиталя в октябре 1941 года за день до вступления немцев в Чугуев власти сочли необходимым оставить доктора в городе и назначить его главным врачом районной поликлиники. В этой должности дед пребывал вплоть до августа 1943 года, до освобождения города Чугуева нашими войсками. Есть соответствующие записи в трудовой книжке. Интересно, что трудовая книжка советского образца была приемлемым и действующим документом и при немецкой оккупации. Естественно, в период оккупации он занимался не только поликлиническим приемом. Как написано в автобиографии, одновременно с назначением главным врачом первым секретарем Чугуевского райкома партии Борзовым и начальником НКВД района Пашенко ему был выдан «пароль для работы по содействию Чугуевской партизанской группе». Дед очень рисковал, ведь за подобную деятельность оккупанты беспощадно карали, казнили даже за малейшее в этом подозрение. Рассказов о работе с партизанами в нашей семье я не помню. Зато помню рассказы деда, бабушки, мамы о предателях и полицаях. К их домам мне, ребенку, строго запрещали даже подходить, тем более дружить с их детьми. Память крепко запечатлела адреса и фамилии, помню до сих пор.

Как сложилась судьба руководителей района, первого секретаря Борзова? По рассказам очевидцев, таких людей вскоре выдавали немцам, ведь их многие знали в лицо, а предателей и обиженных хватало. Как можно было оставлять их для нелегальной работы в городе, ведь они обрекались на смерть!

Дед в автобиографии пишет, что в 1949 году его повесткой вызывали в военную прокуратуру, для свидетельских показаний о преступлениях оккупационного режима. В повестке цель вызова не указывалась. Думаю, что были опасения не возвратиться домой. На всякий случай дед брал с собой чемоданчик с самым необходимым. Слава Богу, все обошлось. Преступники были изобличены и понесли наказание.

В годы оккупации с 1941 по 1943 год Козьма Потапович продолжил врачебную деятельность. Работал в больнице, где лечил больных и раненых. Раненые поступали во множестве, нередко в очень тяжелом состоянии с запущенными, полученными много дней назад ранениями. Осложнениями были газовые гангрены, требующие ампутаций. В ранах заводились черви — личинки мух. Зрелище ужасное, но,

оказывается, благодаря червям рана очищалась и лучше заживала. Лечились и раненые немецкие солдаты. Дед работал день и ночь, не каждый день удавалось поспать. Работал и совместно с немецкими врачами, советовался с ними, они признавали квалификацию и авторитет украинского специалиста, он в свою очередь высоко отзывался о немецкой хирургической школе, я слышал его воспоминания. Каких — то нацистских убеждений эти доктора не высказывали, вели себя более или менее коллегиально с нашими медиками. Наверное, врачеванная профессия накладывает отпечаток гуманности на человека. Врач везде остается врачом.

Кроме больницы доктор Цехмистро трудился в инфекционном бараке, где находились больные сыпным тифом. Медикаментов катастрофически не хватало, смертность была высокой. Пациентов с очень высокой температурой на время помещали в бочки с холодной водой, зачастую это помогало. Хорошо помню его рассказы об этом.

Надо сказать, и это хорошо известно, что немецкие оккупанты вели себя далеко не так, как их доктора. Карательные операции, массовые казни, унижения и оскорбления, концентрационные лагеря, медицинские опыты на людях (их врачи делали и такое), разрушение городов и сел, угон на рабский труд в Германию.

Последняя опасность нависла над дочерью Ириной, моей будущей мамой. Она, студентка Харьковского медицинского института, помогала отцу по уходу за больными в инфекционном тифозном бараке. Пришло правильное решение, на двери дома домочадцы мелом по — немецки написали: «Осторожно, сыпной тиф». Все сложилось логично. Немцы и полиция стали обходить это место стороной. Никакие заслуги доктора здесь бы не помогли, да и что они стоили в глазах немцев! Молодую девушку ждала бы незавидная участь. Помогла надпись.

Напряженный, героический труд, каждодневный риск были оценены законной властью.

После освобождения города, окончания войны доктор К.П.Цехмистро был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Козьма Потапович принялся вместе с сотрудниками за восстановление пострадавших больничных зданий, полностью разрушенного кожно — венерологического диспансера. Он вскоре в 1943 году был назначен туда главным врачом. Начались врачебные будни, лечение больных демобилизованных фронтовиков, тяжелых инвалидов. Лечились в стационаре диспансера и дети с множеством хронических заболеваний. Помню, что дед угощал своих маленьких пациентов конфетами, фруктами из своего сада, приносил в стационар мои детские книжки и грушки. Тогда лечилось много сирот, детей из бедных семей. Были срочные выезды в села района к тяжелым больным в любое время и в любую погоду на казенной бричке или на санях. Иногда больные приходили к доктору домой, отказа никому не было.

Дед избирался в депутаты местных Советов, имел почетные грамоты, был уважаем в городе.

С 1954 года дед в должности главного врача в связи с его солидным возрастом сменил доктор Д.А.Кабаков, Козьма Потапович стал трудиться рядовым врачом. Ходил «на службу», получал «жалование» — он выражался старорежимно. Ушел на пенсию в 1965 году, ему было 83 года. Дед умер в 1968 году. На прощание с ним собралось огромное число чтуговцев.

В наших краях известны и почитаемы доктора Мещанинов, Кононенко, внесшие большой вклад в нашу Победу. Этой статьей я хочу отдать должное и такому скромному человеку, настоящему доктору, патриоту и труженику Козьме Потаповичу Цехмистро. Многие живут, здравствуют, продолжают свою деятельность благодаря его подвижническим усилиям, профессионализму.

27 октября 2017 г.

Заведующая кафедрой медицинской и биоорганической химии, доктор фармацевтических наук, профессор

Ученица доктора медицинских наук профессора Киричек Людмилы Трофимовны.

Анна Сыровая

БЫТЬ, А НЕ КАЗАТЬСЯ

Посвящается профессору А.Т. Киричек

В своих мыслях всё чаще я возвращаюсь к Людмиле Трофимовне — человеку, который дал путёвку в жизнь, научил работать, чувствовать вкус к науке и преподаванию в медицинском университете. Для меня Людмила Трофимовна — учитель, умный и правдивый человек, умеющий трудиться на совесть не потому что так нужно, а потому что по-другому просто невысказано, невозможно, недопустимо. Мне вспоминается 1997 год... В апреле умер мой отец. И буквально в течение месяца произошло моё знакомство с профессором Киричек А.Т. В то время она была заведующей кафедрой фармакологии и медицинской рецептуры ХГМУ (ныне ХНМУ), а я, преподаватель фармакологии Харьковского медицинского училища (ХМУ) №1 (ныне ХБМК №1), была направлена на курсы повышения квалификации на эту кафедру, ставшую впоследствии мне родной. Знакомство с Людмилой Трофимовной было очень простым и тёплым. Меня очаровала эта умная, интеллигентная женщина — педагог и учёный. Я посещала лекции и практические занятия профессора Киричек А.Т., позже, уже работая в медицинском университете, я прослушала практически все её лекции, насыщенные интересными примерами и размышлениями. Вот так бывает: отец ушёл, а Людмила Трофимовна появилась в моей жизни... Она предложила мне интересную тему для диссертационных исследований по фармакокорректорам эмоционального стресса. Никогда из моей памяти не стереть тех наших встреч, когда мы с Людмилой Трофимовной обсуждали направления наших исследований, обговаривали методики экспериментов, рассчитывали дозы. Огромное впечатление произвела на меня чёрно-белая фотография лабораторной крысы, которая

принимала участие в экспериментах, выполненных в докторской диссертации профессора Киричек А.Т. Эта фотография много лет стояла в книжном шкафу в кабинете Людмилы Трофимовны и поражала своей необычностью. Часто мой взгляд останавливался на ней, особенно во время обсуждения предстоящего эксперимента за чашкой горячего чая с профессором Киричек А.Т. в её большом холодном кабинете, окна которого выходили на проспект Ленина (ныне Науки) и на улицу Данилевского одновременно.

Помню нашу первую совместную с Людмилой Трофимовной поездку на съезд фармакологов 1–4 октября 2001 года в город Днепропетровск (ныне Днепр). Мы долго ехали в автобусе, с нами ехали фармакологи из НФаУ (профессор Березнякова А.И. и др.), очень много интересного узнала я тогда. Встречала нас в Днепропетровске профессор Зленко Е.Т., которая впоследствии стала оппонентом моей кандидатской диссертации. Поселились мы с Людмилой Трофимовной в гостинице возле медицинского университета. Вся фармакологическая общественность с большим уважением приветствовала профессора Киричек А.Т., а она дарила коллегам свою новую книгу по врачебной рецептуре и знакомила меня с корифеями фармакологии. День был солнечный и радостный, очень насыщенный докладами и впечатлениями. Вечером был банкет, так как у меня — молодого тогда учёного — приглашения на банкет не было, то я прогуляла по городу и пошла отдыхать в гостиницу. Каково же было моё удивление, когда вечером в дверь постучали. Это Людмила Трофимовна пришла спросить, как мои дела.

В моей памяти профессор Киричек А.Т. будет всегда очень скромным человеком. Её большая

семья: сама Людмила Трофимовна, её сын Андрей, невестка Ирочка, внук Кирюша и собака Джина (бернская овчарка) — жили в скромной «хрущёвке». Одевалась Людмила Трофимовна академично и строго, из украшений помнятся её серебряные колечко и часы с браслетом. После долгих уговоров домочадцев Людмила Трофимовна стала носить брюки, и этот элемент гардероба ей понравился. А понравиться Людмиле Трофимовне было не просто! Она была очень критичным человеком и к себе, и к другим, ставила всегда очень высокую планку, которую преодолеть было нелегко. Может быть, поэтому и «научных детей» — учеников у неё всего 7, но ни за кого ей не было стыдно, все уважали и любили её.

Трудолюбие — основная черта профессора Киричек Л.Т. Да, она настоящий труженик! Даже в отпуск (помню, как когда-то я провожала её с внуком отдыхать на Азовское море в Кирилловку) она брала с собой специальную литературу. Людмила Трофимовна умела и любила писать. Писала учебники, монографии, статьи даже на морском побережье! Именно у Людмилы Трофимовны мы все учились работать. Рядом с ней хотелось сделать больше и лучше. Она на самом деле была для нас примером. В сборнике моих стихотворений «Дорог каждый миг» (2014 г.) есть стих «Быть, а не казаться», который посвящён профессору Киричек Л.Т., название и содержание которого отражает черты Людмилы Трофимовны.

Помню, как летом несколько лет назад Людмила Трофимовна после перенесенной операции была дома, а мы с доцентом Ананько С.Я. (тоже ученица профессора Киричек Л.Т.) поехали её проводить. Встретились, говорили-говорили, не могли наговориться. Людмила Трофимовна очень интересно рассказывала о своих планах и доброжелательно расспрашивала о наших новостях. Особый интерес вызвали у нас рассказы о недавнем путешествии Людмилы Трофимовны уже в зрелом возрасте по Европе. Она поправилась и вышла на работу. 2016 год ознаменовался написанием двух различных монографий по интересующей нас обеих теме: первая «Фармакокорректоры ренин-ангиотезиновой системы при эмоциональном стрессе» была написана мной и вышла в свет в январе 2016 года — она была посвящена экспериментальному изучению антистрессовой активности блокаторов ренин-ангиотезиновой системы (тематика моей кандидатской диссертации, руководителем которой была профессор Киричек Л.Т.), вторая «Лекарственный антистресс в эксперименте (иммобилизация, травма, воспаление)» — была написана практически в то же время Людмилой Трофимовной. Какое же было наше взаимное удивление, когда к Международному дню 8 мар-

та мы с Людмилой Трофимовной подарили друг другу наши книги, такие разные, но написанные по одной интересующей нас тематике! Именно у неё, профессора Киричек Л.Т., я научилась работать над созданием своих книг, поняла, как издавать и презентовать их людям, ощущая при этом огромное удовлетворение. Люди обычно любят получать подарки, а Людмила Трофимовна очень любила их дарить. Это были не только книги. У меня, например, есть два памятных подарка от неё: глиняная вазочка и замечательная вышитая крестиком картина, которую Людмила Трофимовна сделала собственноручно ещё в молодости, «Охотничья собака с дикой уткой в зубах», она значительного размера — вот такой огромный труд, вот такая память...

Хочется также вспомнить о коммуникабельности профессора Киричек Л.Т. Она всегда была душой компании. На протяжении многих лет Людмила Трофимовна с профессором Галичевой Н.А. была организатором встреч выпускников медицинского университета. Очень ответственно, с большим организаторским талантом она занималась этим вопросом. А взаимоотношения с невесткой?! Редко когда такие добрые отношения складываются между невесткой и свекровью: бережные, добрые, доверительные, основанные на взаимоуважении, взаимопонимании, заботе, ответственности.

О чувстве ответственности, которое было присуще Людмиле Трофимовне, можно говорить бесконечно. Это и суперответственное отношение к организованной ею студенческой олимпиаде по фармакологии, и уважительное отношение к окружающим её людям, и к профессиональному долгу. Помнится, Людмила Трофимовна рассказывала о своём первом опыте в педиатрической деятельности после окончания медицинского института. Её вызвали к маленькому ребёнку, который простудился. Людмила Трофимовна даже показывала мне этот дом по улице Данилевского, напротив бывшего кинотеатра «Харьков» (ныне Банк «Грант»). Молодая красавица выпускница педиатрического факультета Киричек Л.Т. очень волновалась, осмотрела ребёнка, сделала назначения, а после всего ночь не спала — беспокоилась о здоровье малыша, на следующее утро она снова посетила больного, к её несказанной радости ребёнку стало легче. Об этом своём первом пациенте Людмила Трофимовна помнила всю жизнь...

Я же всю жизнь буду помнить светлого, мудрого, красивого, порядочного человека, настоящего профессионала, который на 85 году жизни ушёл от нас, но постулаты, заложенные доктором медицинских наук, профессором Киричек Людмилой Трофимовной, останутся в нас, их мы постараемся передать нашим ученикам и последователям.

Доцент кафедры офтальмологии Харьковской академии последипломного образования, кандидат медицинских наук

Я выросла в семье врачей, поэтому выбор профессии для меня был прост. После окончания Харьковского медицинского института в 1986 году продолжила обучение на кафедре офтальмологии института усовершенствования врачей, где продолжаю работать по настоящее время. Выбранную в институтские годы специальность очень люблю. Не перестаю удивляться уникальности нашего органа зрения. Помощь людям в этом бесценном даре - видеть окружающий мир - считаю основным делом своей жизни.

Елена Шкиль

Т око́й нам только снится...

Памяти отца — солдата,
врача, учителя — посвящаю...

В ноябре текущего года Александру Михайловичу Шкилю исполнилось бы 94 года, и мне хочется вспомнить о нем — моем дорогом отце, моем советчике и друге — и поделиться этими воспоминаниями со всеми, кто с ними познакомится.

А.М. Шкиль родился 8 ноября 1922 года в г. Енакиеве, Донецкой области. Отца своего он не знал, так как родители расстались до рождения сына. Детство и юность его прошли рядом с двумя женщинами: матерью и ее сестрой. Из рассказов взрослых и девчоночьих воспоминаний встает передо мной бабушка — мать отца, женщина суровая, целеустремленная, для которой всегда на первом месте был не сын, а работа. Она мечтала стать врачом и стала им, пройдя долгий путь от санитарки, медсестры, лекпома до выпускницы Харьковского медицинского института, который окончила в 1939 году. Отец после учебы в Енакиевской неполной средней школе был передан ею на попечение сестры и уже среднюю школу оканчивал в 1941 г. в Днепропетровской области, откуда 12 августа был призван в ряды Красной Армии.

Уже шла война, отца зачислили курсантом в школу пилотов, затем перевели в Тамбовскую бомбардировочную авиашколу, после расформирования которой — в Ташкентское военно-

пулетное училище, после окончания которого он был отправлен в 3-ю стрелковую дивизию Сталинградского фронта, где в это время шли наступательные бои. С этого времени и началась его настоящая военная страда. Вначале он был наводчиком, затем командиром орудия, пулеметного расчета, перед демобилизацией он был старшиной батареи. Воевал на Сталинградском, Степном, 2-м, 3-м, и 4-м Украинских фронтах, последнее место службы в военных документах — 740-й Бургасский зенитный артиллерийский полк. О его военных заслугах свидетельствуют два ранения и контузия, три ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны I степени, две (!) медали «За отвагу», благодарности и грамоты за освобождение Белграда, за взятие Будапешта и Вены, за оборону Сталинграда и Кавказа. Уже в мирное время, в 1999 г., он был награжден орденом «За мужество».

После демобилизации из армии в 1946 г. отец поступил на лечебный факультет ХМИ, хотя вначале была мысль о кораблестроительном институте в Николаеве. Однако воспоминания о погибших товарищах, размышления по поводу того, насколько нужны врачи не только в военное лихолетье, но и в мирное время, привели к осознанному решению стать врачом, о чем

в дальнейшем он никогда не пожалел. Учился отец с удовольствием, хотя не все давалось легко, но, видимо, проявил себя с хорошей стороны, так как по окончании института решением конкурсной комиссии был оставлен на кафедре ЛОР-болезней для научной работы. Всей своей последующей жизнью и работой отец оправдал этот выбор своих учителей. В дальнейшем он стал кандидатом медицинских наук, широко известным врачом в области заболеваний уха, горла и носа, внесшим большой вклад в совершенствование диагностики этих болезней и их лечения. Достаточно сказать, что он имел 43 удостоверения на рационализаторские предложения.

Я была единственным и поздним ребенком в семье врачей, и, сколько себя помню, отец часто был востребован по работе даже в часы отдыха. Мы жили поблизости от областной клинической больницы, и в сложных ситуациях за отцом присылали посыльного. Он был известным специалистом в области прямой ларингоскопии, и если бы собрать все монеты, косточки, иголки, гвозди, пуговицы, значки, семечки и пр., которые в разное время случайно глотали обратившиеся к нему за медицинской помощью люди, то это получилась бы очень большая коллекция.

О войне отец рассказывал мало, не любил военные фильмы, видно, слишком тяжелы были воспоминания. Но военное братство любил и всегда с нетерпением ожидал университетские мероприятия, где собирали ветеранов войны. Однако война напоминала ему о себе

и в лечебной работе. Одним из его пациентов однажды стал бывший солдат-фронтовик, который 12 лет носил в гайморовой пазухе и носовой полости осколок от снаряда. Как ни мучили врачи — удалить его не могли. А отец через носоглотку захватил осколок пинцетом и удалил его через рот. Правда, пришлось помучить над пинцетом до операции. Да и каждая сделанная им операция требовала знаний, опыта, изобретательности, и, конечно, проведение их сопровождалось определенным риском — этим вечным спутником хирургов. Он мне виделся и в мирной жизни солдатом, который стоит на страже здоровья, радости и счастья своих пациентов.

Отец был равнодушным человеком, и мне кажется в душе его жила мысль: «Если не я, то кто же?» Когда при нем в обществе кто-то жаловался на плохое самочувствие, он тут же предлагал: «Давай посмотрю». Отдыхая в лагере на Эсхаре, он с утра с инструментом уходил в медпункт; любил объяснять строение уха, говорил о необходимости соблюдения гигиены слуха, предупреждал о возможности появления болезни. Выросшая в семье врачей, я тоже стала врачом, только офтальмологом, но отец всегда был и остается моим другом, советчиком, наставником. Семейная жизнь родителей стала и для меня школой. Они прожили долгую счастливую жизнь, наполненную добрыми делами, приносившими людям радость. Мне хочется, чтобы память о них жила не только во мне, поэтому я и написала этот очерк.

Патоморфолог. Доктор медицинских наук, профессор

Заслуженный деятель науки и техники УССР. Академик Интернациональной академии патологии (США) и Академии национального прогресса Украины. Заведующая кафедрой патологической анатомии Харьковского национального медицинского университета с 1971 по 2009 г. Научная деятельность посвящена проблемам общей патологической анатомии, в том числе плацентологии, патологической анатомии сердечно-сосудистой, эндокринной, иммунной и мочевыделительной системы.

Антонина Яковцова

Назидание

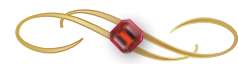
Осень 1941 года. Мы ходим в школу. В один из дней нас, детей, повели в центр города, и мы увидели жуткую картину: с двух балконов большого дома свисали тела повешенных партизан. Нам показывали их в назидание. Я до сих пор, бывая в Богодухове, с ужасом смотрю на этот дом и думаю, кто же предал партизан и зачем нам, маленьким детям, смотреть на этот ужас?

Пальчик в стопочке

Мы учились в одном классе с мальчиком Борей. Он был светлый и веселый. В один из дней лета стало известно, что он взорвался на mine и погиб. Мы всем классом пошли на похороны. Он был с лицом накрыт покрывалом, а в изголовье стоял стеклянный граненый стаканчик-стопочка, и в нем лежал оторванный пальчик. Я всю жизнь помню эту картину — цветы и Борин пальчик. И больше ничего не осталось от нашего одноклассника.

Повидло

В соседнем дворе в большом доме стояли немецкие солдаты. Там же была немецкая кухня. Однажды к этому двору привезли деревянную бочку повидла. Немецкие солдаты получали в котелки еду и повидло, потом ушли. Нас, детей, собралось около десятка, и все мы тут же набросились на бочку с повидлом. Мы бра-

ли его горстями и ели, размазывая по лицу. Повидло было ароматное и, как мне казалось, необыкновенно вкусное. Все это продолжалось несколько минут, пока мать одного из нас не увидела этого и не отогнала от бочки, в ужасе крича, что нас всех высекут или повесят. Я до сих пор помню это повидло.

Глаза

Как медик, я не раз видела глаза умирающих людей. Это больно и страшно. Но не забыть мне впечатления детства от грустных глаз умирающей раненой коровы. Она была очень красивая — черная с белыми пятнами — и беспомощно и просяще смотрела на всех нас. «Спасите», — говорили ее большие влажные глаза. Раненое животное после бомбежки погибало. Мы, дети, окружили ее, и, я уверена — никто за всю жизнь не забыл эти глаза. Потом пришли взрослые, прогнали нас и дорезали корову.

Отец

Мой отец, Гирка Федор Васильевич, 1912 года рождения, с первых дней войны был на фронте. Под Смоленском он получил тяжелое ранение и вместе с госпиталем был захвачен в немецкий плен. Позже этапом он был перегнан в Куряж, Харьковской области, откуда бежал в 1942 году. Помню, как он появился дома. Когда я зашла в комнату и увидела пожилого, как мне показалось, человека, худого, в темной, старой одежде, с левой рукой в грязных бинтах, я сначала его не узнала. Но он улыбнулся, и я узнала отца. Потом мы его мыли в корыте и густой расческой с волос, тела, бинтов убирали вшей. Их была масса. На предплечье зияла гнойная рана, пальцы кисти согнуты, не разгибались. Я подумала — папа никогда не сможет играть на гитаре, а играл он чудесно. Как-то позже отец попытался научить меня, но сказал: «Ничего не получится, Антонина, гитара в твоих руках мертвая», — и стал учить мою двоюродную сестру Зою. У нее все хорошо получалось, и вскоре зазвучала серебряная мелодия вальса «Амурские волны».

Вскоре о том, что отец дома, узнал полицай, и начались наши переживания. За молчание мы отдали ему все, что было дома. Когда вступили наши войска, отец был назначен мастером маслобойного (подсолнечник) цеха. Позже он получил государственную премию за внедрение шнековского пресса, избирался несколько раз депутатом местного совета, был председателем охотничьего общества. В 1964 году его

не стало — рак гортани с метастазами в позвоночник. Хоронили его всем нашим городом, звучали залпы орудий, и я думала: «Дай, Бог, мне заслужить перед людьми хотя бы часть такого уважения».

Папин отец

Дедушка мой, Василий Сазонтович, не боялся бомбежек и не любил окоп. Когда в августе 1943 года началось наступление наших войск, город сильно бомбили, но дедушка оставался в доме. Однажды бомба попала в дом, и дедушка погиб, был завален стеной. Похоронили его у нас в огороде. И все эти десятилетия его могила напоминала нам это время. Мы сажали около нее цветы, на Пасху клали крашенки и вспоминали начало нашего освобождения.

Наступление 1943 года

Была весна 1943 года, наши войска наступали и заняли Богодухов. Меня потрясло то, что солдаты были в мокрых войлочных валенках. Вскоре они отступили до следующего наступления в августе 1943 года.

Фурункулез

Я очень боялась бомбежек, много сидела в окопе, часто там спала. Плохое питание и сырость окопа сыграли свою роль. У меня развился тяжелый фурункулез и вторичная анемия. Болезнь длилась несколько лет. Лечил меня хирург Ревковский. Это сыграло определенную роль в выборе профессии — врач.

Новое платье

Подходили майские праздники 1945 года. Мне сшили красное в белый горошек ситцевое платье. Я с нетерпением ждала 1-го Мая, мерила платье перед зеркалом. Оно мне очень нравилось. Потом я узнала, что моей подружке Нелле платье не сшили, не было такой возможности. Я решила платье свое не надевать, коль нет наряда у Нелли. Мы обе надели старые постиранные платья. Прошло несколько лет. Однажды Нелли сказала: «Я навсегда полюбила тебя за то, что ты не надела новое платье, коль не было такого у меня». Мы дружили с Неллей всю нашу жизнь. Девять лет назад ее не стало — умной, доброй, филолога — учителя русского языка.

Зміст

Поезія, проза	5
Алла Алексєєнко	6
Абделла Бен Эль Махи	8
Софія Бойко	10
Н.Воо	12
Михайло Воронцов	18
Петро Джерелянський	20
Ірина Домніна	22
Ірина Жук	24
Валерія Зленко	26
Дмитро Карамішев	27
Володимир Коробчанський	29
Сергій Лисицький	32
Роман Олєтьєв	34
Ольга Прасол	37
Ганна Целогородцева	40
Сергій Чернобай	41
Діана Яковлева	43
Pooja Praharaj	46
Образотворче мистецтво, фото, рукоділля	49
Magaru Veera Venkata Akhil	50
Ірина Барабаш	52
Регіна Вороніна	54
Поліна Гасва	55
Тетяна Золотарьова	56
Катерина Конь	58
Олександр Малоок	61
Анастасія Михайлова	63
Анастасія Нагорна	65
Антон Олейник	67
Олена Палій	69
Ольга Паскевич	71
Андрій Соловей	73
Юлія Фролова	76
Юлія Черепинська	78
Ani Sasi Shani	80
Спогади. Пам'ять	83
Ірина Бобіна	84
В'ячеслав Лапшин	86
Ганна Сирова	89
Олена Шкіль	91
Антоніна Яковцова	93

В альманасі зібрано твори різної тематики та жанрів, які присвячені темам кохання, віри в Бога, улюбленій професії тощо. Автори діляться з читачами переживаннями, які переповнюють душу, висловлюють повагу та любов до Батьківщини, діляться своїми спогадами.

Рекомендовано широкому колу читачів.

Літературно-художнє видання

Початок століття

Альманах

Творчі шукання співробітників,
викладачів і студентів
Харківського національного
медичного університету

*Відповідальній за випуск І.В. Летік
Дизайн та комп'ютерне верстання В. Ск!п, А. Победіна
Редактор С.О. Краснікова
Коректор Є.В. Рубцова*

Формат 64×90 1/8. Ум. друк. арк. 12,0.
Тираж 1000 пр. Зам. 424.

ХНМУ
м. Харків, 61022, пр. Науки, 4
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК №3242 від 18.07.2008 р.

Виготовлювач Здоренко Михайло Іванович
вул. Гвардійців Широнінців, 50, м. Харків, 61136
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК №5197 від 31.08.2018р.